

Оливия Утерн

16+

Архимаг ее
СЕРДЦА

Страж её сердца

Оливия Штерн

Архимаг её сердца

«Автор»

2020

Штерн О.

Архимаг ее сердца / О. Штерн — «Автор», 2020 — (Страж её сердца)

ISBN 978-5-532-95744-2

Ее сердце разбито. Ее убежище — дворец, выстроенный на красных скалах. Все, что ей осталось — воспоминания о счастье, которого никогда больше не будет. Но обстоятельства меняются, и Алайне необходимо вернуться в Эрифрею. Туда, где король, где придворные плетут интриги. Туда, где ее Магистр, который, по слухам, завел любовницу... Первая книга — «Страж ее сердца», вторая книга — «Магистр ее сердца». Писалось для тех, кому ну очень понравилась первая книга и хотелось еще про тех же героев.

ISBN 978-5-532-95744-2

© Штерн О., 2020

© Автор, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Одинокая принцесса	9
Глава 2. Эрифрейский потрошитель	20
Глава 3. Королевская невеста	30
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Оливия Штерн

Архимаг ее сердца

Пролог

Над головой плыл и медленно вращался потолок. Своды были выложены из старого кирпича, бордового, местами облупленного. Откуда-то, сбоку и вниз, падал блеклый утренний свет.

Спина... болит. И на чем-то твердом. Под пальцами мягкое, наощупь как тряпка. Во рту... привкус желчи. И во рту все пересохло так, что язык словно терка. Голова кружится, и от этого потолок сверху то медленно движется, то берется крупной волной, то начинает кружиться.

Мариус обреченно закрыл глаза. От вида движущегося потолка тошнило. В висках отдавало звенящей болью, с каждым ударом сердца.

Он представил себе Альку, как будто она смотрит на него с мягкой укоризной. Представил, как ее прохладная ладонка опускается на лоб, как тонкие пальцы зарываются в волосы. Потом крепко зажмурился. Нет же, нет! Этого уже не будет. Он оставил ее во дворце Сантора... Оставил с разбитым сердцем, да и свое растоптал там же. Уходя, оставлял за собой кровавые отпечатки подошв. Теперь это с ним навсегда, потому что Алька не простит, не вернется, даже если он будет умолять... Пусть. Зато теперь она в безопасности. И если тварь вернется – а в том, что это случится, Мариус почти не сомневался – он встретится с ней один на один. И это будет последнее сражение двух магистров.

Вокруг было тихо, только где-то капала вода. Перед глазами назойливо крутились обрывки вчерашней попойки, сперва – в хорошем ресторане и в гордом одиночестве, потом – в дешевом кабаке где-то на окраине Эрифреи, еще чуть позже... Дальше память проваливалась в такую глубокую и темную яму, полную мутной воды, что Мариус даже почувствовал слабый интерес, а что он такого натворил, что оказался в тюрьме? И, самое главное, кто его сюда водворил? Ну не Фаэр же, в самом деле?

Вялое течение мыслей прервал скрежет отпираемого замка, но Мариус даже не повернул головы. Пусть. Ему все равно. Если сдохнет, то и магистру здесь нечего делать будет. Всем лучше, и Алечке в том числе.

– Он! Он это! – ватную тишину разбил звонкий женский голосок, рикошетом отозвался в висках противной болью.

– Ну так забирайте, – последовало равнодушное, – королевская тюрьма не для того, чтобы всякую пьянь сюда тащить. Уж не знаю, зачем его ниат Фаэр сюда приказал приволочь.

– Так ведь... благородные они, – прозвенел голосок.

Потом Мариус услышал тихое позвякивание монет, как будто невидимая девица отсчитывала монеты и предавала их тюремщику.

– Благородные-то благородные, а надрались так, как не всякий забулдыга, – пробурчал тюремщик, – забирайте.

– А вы мне не поможете? Я ж его не дотащу!

Снова пауза, снова едва слышное позвякивание, но уже сопровождающееся сопением мужчины, который, вероятно, столько денег за раз не видел. Мариусу стало смешно, он даже фыркнул. Выходит, его сюда приказал Фаэр бросить? Ну что ж, хотя бы не в общую камеру, и на том спасибо.

В этот момент тюремщик наконец перешел к выполнению просьбы невидимой пока девицы. Мариуса грубо подхватили под мышки, поставили на ноги, а затем поволокли прочь.

У порога стояла миловидная блондинка в дорогом, но скромном платье. Стояла, сложив руки на груди, качая головой, и с укоризной смотрела на Мариуса.

Энола Дампи.

Интересно, кем она представилась надзирателю? Сестрой? Женой?

Стены плыли перед глазами, грозя раздавить, но Мариус мужественно, с поддержкой тюремщика, дошагал до выхода, а там его уже поджидал закрытый экипаж. Еще усилие – и он шлепнулся на кожаное сиденье, следом проворно забралась Дампи, постучала по стенке. Экипаж тронулся и покатил по булыжной мостовой.

Несколько минут в экипаже царило молчание. Мариус щурился на Энолу и боролся с подкатывающей тошнотой. Энола хмуро смотрела на него, теребя пальцами артефакт личины. Потом поинтересовалась:

– И что это вы творите, магистр?

Он пожал плечами и ничего не ответил. Да и что тут скажешь? Сдохнуть хотелось. Но убить себя почему-то не решился. Все-таки тварь на свободе, следит из астрала, выжидает. А так-то да, согласен. Слабак. Мог бы умереть быстро, если б захотел. Но все еще держала невесомая, тоненькая, как паутинка, надежда – что они все-таки будут вместе...

– Слушайте, – хрипло сказала Дампи, – вы же мне обещали помочь. Ну, я понимаю, вы можете себе позволить упиваться вашим горем. Ну а мне-то что делать? Одна я не справлюсь. Одна я не смогу доказать, что это не я подбросила артефакт его величеству.

– Ну так... уезжайте из Эрифреи, – кое-как выдавил Мариус, – мир велик. Найдите себе место, где вас никто не будет искать, и живите себе в удовольствие...

– Вы дурак? – Энола посмотрела на него так, что Мариусу вдруг стало стыдно.

Может, и правда дурак.

– Почему я должна бросить все то, что мне дорого? – она стиснула свои светлые замшевые перчатки, – из-за какого-то подонка, который меня подставил? Впрочем, – еще один сердитый взгляд, – что это я разоткровенничалась. Каждый выбирает для себя... Если вам угодно себя травить, продолжайте в том же духе. Ваша невеста бы не одобрила...

– У меня больше нет невесты, – выдохнул Мариус и пожалел о том, что пришел в себя.

В той темной, илистой яме, куда он умудрился загнать себя изрядной порцией алкоголя, по крайней мере не было ни боли, ни воспоминаний.

– Хорошо, нет невесты, – согласилась Дампи, – но как же ваше обещание? Помочь мне? Совсем ничего не стоит?

В ее голосе, таком непривычно-звонком, печально звякнуло отчаяние. И Мариус вдруг подумал, что Эноле тоже очень больно. Она ведь... наверное, она любила короля. А он чьи-то стараниями объявил ее преступницей. Не поверил. Не захотел поговорить.

– Мне плохо, – вдруг пожаловался он, – простите.

– Да уж, плохо, – она хмыкнула. Образ блондиночки ей не шел. Почему-то хотелось видеть ту Энолу Дампи, которой она была на самом деле. – Вы, небось, даже не помните, как попали в тюрьму?

Он мотнул головой, и это вялое движение отозвалось слепяще-белой болью в висках. Перед глазами снова все поплыло.

– Магам нельзя много пить, – назидательно проговорила Энола, – не столько, сколько вы в себя влили. Поэтому вам так плохо... Но, помилуйте, какая нелегкая вас понесла в тот дешевый бордель?

Мариус поморщился. В самом деле, что он там делал?

– Хотите послушать о своих подвигах? – вкрадчиво поинтересовалась Дампи.

Наверное, он хотел.

Воспоминаний о борделе и проститутках не осталось.

– Вас люди Фаэра нашли в местечке под названием «Конфетка», – начала Энола размеренно, – к тому моменту, как за вами пришли, вы успели полностью выжечь комнату, в которой до этого уединились с девушкой... Это, надо полагать, было пламя страсти?

Мариус застонал.

Он начинал припоминать, что ж там произошло. Он... кажется, брел куда-то. Ему хотелось просто лечь и немного поспать, а еще лучше – никогда и не просыпаться. Но на земле не хотелось. Хотелось в мягкой кровати. И как он вышел на это двухэтажное здание, омерзительно-розового цвета? Над крыльцом заманчиво светились фонарики, тоже розовые. И он туда пошел. Уже на входе столкнулся с вульгарно накрашенной полуголой девицей. Потом навстречу выплыла необъятных размеров фье, и он попросту утонул в ее пышных объятиях. А она все нашептывала, что знает, как утешить расстроенного ниата, и Жизель знает, как это делается. Мариус просто хотел отдохнуть. Рассудок медленно уплывал прочь, махнув на прощание ядовито-розовым газовым шарфиком. Потом он куда-то шел, куда-то поднимался по ступеням, пока не оказался в дешево обставленной комнате. Посреди стояла кровать с продавленным матрасом и несвежим бельем. Мариус, не раздеваясь, бухнулся на спину, закрыл глаза, пытаясь унять красноватую муть в голове и перед глазами. Но поспать ему не давали. Кто-то назойливо елозил руками по груди, словно расстегивая пуговицы, потом эти же липкие руки добрались до его кожи. Кто-то испуганно вскрикнул, и Мариус понял, что его шрамы произвели должное впечатление. А голова была... просто чужунная.

– Пшла вон, – процедил он сбивчиво.

От одной только мысли о том, что его касается кто-то другой, не Алька, выворачивало наизнанку.

– Да ладно тебе, – услышал он.

И наглые пальцы взялись за штаны.

Это было большой ошибкой, трогать его.

Все, что было накоплено в резерве, попросту плеснулось наружу, раскрываясь пламенеющими лепестками. Завоняло дымом, гарью, затрещали горящие занавески, завопила не своим голосом девка... И примерно на этом Мариус провалился в блаженную темноту.

– Я... обгорел? – только и спросил он у Энолы. И пожаловался, – спина болит.

– Спина болит оттого, что вас дубинками отходили, – она вздохнула и отвернулась к окну, – к тому моменту мадам вызвала гвардейцев. Пожара, кстати, не случилось. Ваш огонь быстро угас сам. Гвардейцы вас выволокли в бессознательном состоянии, попинали от души, а там и маги Фаэра подроспели. Они ж не знали, что вы – Магистр Святого Надзора. Ну, а когда подроспел сам Фаэр, поглядеть на дикого мага, устроившего такой фейверк... Он-то вас и признал. Стыдно, ниат Эльдор. Стыдно так себя вести.

Мариус помолчал. Не то, чтоб он испытывал муки совести, но... как-то непривычно, вот так. И такого с ним еще никогда не случалось. До того, как он вырвал свое сердце и раздавил его в кровавые ошметки.

– А с той... девкой что? – вдруг спросил он, – она не пострадала?

Энола пожала плечами.

– Обожглась. Я уже компенсировала... И за выжженную комнату тоже.

– А вы как меня нашли?

– Я вас искала, – женщина усмехнулась, – я представилась вашей содержанкой. Я была в городском управлении порядка. Как только услышала про сожженную комнату, так сразу о вас подумала.

Снова воцарилось молчание. Мариус старался не шевелиться, потому что каждое движение отзывалось бухающими в голове молотками. Свет резал глаза, и Мариус их попросту закрыл. Нужно было что-то делать, о чем-то думать. Он был несвободен, он был Магистром Надзора. Проблемы у его величества, заговор, судя по всему. Опять же, Сантор.

Он вздохнул. Да, надо было брать себя в руки. Может быть... если все получится... может быть, он еще сможет быть вместе со своей птичкой. Конечно же, она его возненавидела, но... а вдруг?..

В общем, погулял – и хватит.

– Энола, – сказал он, – я сдержу обещание. Мы найдем, кто вас подставил. А вы... вы поможете мне сразиться с тварью астрала.

Она быстро глянула на него, и на миг сквозь наивные голубые глаза проглянула настоящая Энола Дампи.

– Мне нужна лаборатория, – пробурчала.

– Будет вам лаборатория, – Мариус кивнул.

Глава 1. Одинокая принцесса

«Меня нет без тебя», вот что она хотела крикнуть ему в спину.

Но тогда... слишком больно. Вдохнуть невозможно, не то, что говорить.

И потом, до самого вечера, все ждала – а вдруг вернется? Вдруг... все же любит? Ведь, любя, не уходят.

Но Мариус больше не пришел. И тогда стало понятно, что теперь все будет по-иному, пусто, блекло, безвкусно. Если будет...

Алька свернулась в комок, закуталась по самый нос в одеяло и отвернулась к стене. По штукатурке змеились тонкие, едва заметные трещинки, и она бездумно их рассматривала, сглазывая слезы. Неторопливо катилось время. А в душе – темная, холодная пустота. Горечь. И ничего не хочется ни видеть, ни слышать, ни вообще чувствовать. Трещинки в светлой штукатурке – вот все, что осталось.

Потом пришла служанка. Алька даже не оборачивалась, то, что это не мужчина, поняла по легким, семенящим шажкам. Кажется, шелестела ткань. Наверное, она принесла одежду и теперь раскладывала ее на стуле.

– Ваше высочество? – осторожное.

Алька закрыла глаза. Зачем они ее трогают? Почему нельзя оставить в покое?

– Ваше высочество, – в голосе скользнуло напряжение, – вам плохо?

О, да.

Ей плохо.

Пожалуй, так плохо еще не было никогда, даже тогда, когда противный сын полицмейстера лез под юбку, а Мариус...

Снова он. И никуда не деться. Она просто не может не думать о нем, не вспоминать. А выходит, что очень просто потерять человека, который для тебя перевернул мир. Достаточно просто ему лгать и плести за его спиной интриги...

Прилив омерзения к самой себе оказался таким сильным, что горло взялось спазмом, желудок болезненно скрутило – так, что если бы она не была голодной, то уже бы стошнило.

– Ваше высочество!

На плечи легли чьи-то прохладные пальцы, но Алька упрямо задергалась, пытаясь сбросить чужие руки. Почему ее не могут оставить в покое? Зачем трогать, когда ее, по сути, нет больше?

– Вам нехорошо? Я позову лекаря!

– Не надо, – промычала она, – не надо...

Лекарь тут не поможет, когда сердце выдрали и растоптали, заставляя истекать кровью.

Как с этим жить дальше? Она не знала. И надо ли вообще, жить?

– Его величество повелитель Сантор распорядился, чтобы я помогла вам одеться, – спокойно прозвучало над головой, – вы позволите вам помочь?

– Не хочу, – Алька вяло сопротивлялась, – ничего не хочу, оставьте меня.

– Ну, хорошо, ваше высочество. Я принесу вам теплого молока с медом.

– Не надо!

И она уткнулась лицом в ладони, все еще отворачиваясь к стенке.

Не хочет она ничего. Ни одеваться, ни молока. Вообще ничего...

Наверное, если бы была такая возможность, повернула бы время вспять. И рассказала бы Мариусу про кальхейм, и о том, что именно делал в Эрифрее Кьер. И заставила бы себя просто слушать Мариуса, просто... верить ему, не взирая ни на что. Тогда... ничего бы не было. Они бы вместе засыпали и просыпались. Она бы обнимала его, терлась щекой о колючую щетину, вдыхала бы такой близкий, такой родной запах кофе, горького шоколада и старинных книг.

«То, что мы называем судьбой, является следствием наших ошибок», – вспомнилось некстати.

Теперь... ешь то, что заслужила, Алайна Ритц. Выкарабкивайся из этой ямы, обдирая пальцы в кровь, скуля от боли и острого, режущего как нож, одиночества.

Стукнула дверь. Служанка ушла. Еще несколько минут Алька лежала в полной тишине, возя пальцем по трещинкам в штукатурке. Потом за дверью послышались голоса, один из них был мужским, другой – высоким, женским. В комнату снова вошли, уже двое.

– Ну, и что это все значит?

Алька усмехнулась. Этот низкий голос с рычащими нотками невозможно не узнать. Она медленно повернулась на кровати и сказала:

– Здравствуйте... ваше величество.

– А еще я твой отец, – хмуро сказал Сантор, подходя ближе.

Он подвинул себе стул и сел – рядом с кроватью, так, что Алька могла протянуть руку и коснуться его.

Она невольно разглядывала Сантора, ведь еще не встречалась с ним после того, как пала Пелена, и все проклятья развеялись.

Сантор... стал человеком.

Высоким, статным мужчиной, с шевелюрой, черной как вороново перо, смуглым, с черными глазами, густыми бровями. Впрочем, рост и сложение не изменились, он ведь и был таким. Только теперь крыльев не стало и, верно, поэтому Сантор не выглядел подавляюще-огромным. Просто крупный мужчина средних лет. И в черных волосах, собранных в недлинную косу, поблескивают серебряные нити.

Одежда осталась прежней. Свободная туника с замысловатой драпировкой, синий шелк, золотое шитье. Алька невольно метнула взгляд на служанку, что тенью замерла в углу комнаты. Та была одета, как раньше одевались женщины крагхов: сложно задрапированная ткань, а под ней шаровары.

– Что? – тихо спросила Алька, понимая, что молчание затягивается, что Сантор сидит и смотрит на нее, положив широкие кисти рук на колени.

Он недовольно пожевал губами.

– Вставай, одевайся. Мне сказали, что ты полностью оправилась от падения.

Алька вздрогнула. Вот так? Настолько обыденно? Вся ее жизнь... только что сгорела, а Сантор хочет делать вид, как будто ничего не случилось?

– Зачем ты пришел? – прошептала она, – ты что, не видишь?..

– Что твой магистр оставил тебя? – голос Сантора внезапно смягчился, он дернулся на стуле, как будто хотел протянуть руку и погладить Альку по голове, но сдержался, – я говорил с ним, перед тем, как он отбыл в земли Порядка.

Во рту внезапно пересохло, Алька торопливо облизнула губы.

– И что? – прозвучало как-то сипло и совсем жалко, – что он сказал тебе?

Сантор пожал плечами и уставился на Альку так мрачно, что ей вдруг захотелось побыстрее заползти под кровать.

– Он сказал, что ты его предала, что плела интриги у него за спиной, в результате чего смертельно опасная тварь вырвалась из-под контроля. Как по мне, он имеет полное право от тебя отказаться.

Она поежилась.

Да, конечно, все так. Но...

– Ты сам прислал Кьера, – тихо сказала она, не глядя на Сантора.

– Но не Кьер заставил тебя нарушить планы твоего мужчины, так ведь?

– Я не знала... – Алька всхлипнула. Еще немного, и не выдержит, и слезы покатятся по щекам.

– Прежде всего, ты должна была слушаться своего мужчину, – отрезал Сантор, – ты сама его выбрала, между прочим. А раз выбрала, то должна была верить, а не вытворять то, что вытворила. Так что нечего теперь... Вставай, одевайся. Мы будем ждать тебя к ужину.

– Я не голодна... – и тут же вскинулась, – а Рон? Что с ним, он выжил?

Сантор смерил ее пронизывающим взглядом.

– Если изволишь выйти к ужину, увидишь там брата. С ним... все будет хорошо. Мариус Эльдор – человек слова. Он сделал все, чтобы мой сын остался в живых.

Алька снова свернулась клубком. Взгляд Сантора давил и внушал чувство вины. Да она и была виновата, разве нет?

– Я пойду, – примирительно сказал отец, – приводи себя в порядок. Манни поможет тебе одеться.

– Подожди, – она высунула нос из-под одеяла, – тебе... Мариус еще что-нибудь сказал? Он... когда-нибудь сможет... меня простить?

Сантор скривился.

– Тебе интересно, вернется ли он? Я бы не рассчитывал. Магистр был настроен решительно... но никто не может знать свою судьбу, Алайна. Никто.

И тут Алька не выдержала. Горло сжалось, по щекам покатились слезы. Давясь рыданиями, она уткнулась в подушку. Алька выла и редела в голос, оплакивая то, чему уже никогда не случиться – их жизнь, ребеночка, которого она бы любила, самого Мариуса, без которого она себя просто не представляла. Вот как так, она есть – а его рядом больше нет? Она оплакивала собственную глупость, свою огромную и такую горькую ошибку, свою любовь и мечты. Ту самую минуту, когда решила освободить Рона наперекор воле своего мужчины.

Она и не заметила, как осталась одна.

А потом, размазывая по лицу слезы, поднесла к глазам руку. На пальце плотно сидел перстень с раухтопазом, тот самый, фамильный, с веточками, украшенными мелкими бриллиантами.

– Прости меня, прости! – крикнула она, хоть и не мог Мариус ее услышать.

И приникла губами к прохладному камню.

Наверное, было бы честным вернуть перстень.

Но это было единственное, что у нее осталось от самой большой любви, и поэтому Алька решила, что оставит это напоминание себе. Хоть что-то... до конца жизни будет напоминать о нем.

Позже... Она кое-как поднялась. Слегка кружилась голова, но это, наверное, от голода. Пройдет.

Алька наконец осмотрелась: в том, что комната находится во дворце, сомнений не было – ни одного прямого угла, все скругленное, стены мягко перетекают в потолок и в пол, и окно овальное. За окном – мягкие сиреневые сумерки. Кроме кровати и двух резных стульев в комнате был еще туалетный столик, над которым висело зеркало в красивой бронзовой раме. На столике с одной стороны стоял медный таз с водой, с другой стороны... Алька невольно всхлинула. Там лежали те самые колъе и браслет, которые ей Мариус купил, чтобы идти на бал, и в которых, собственно, ее похитил мертвый магистр.

...Она отвернулась. Поверх спинки одного из стульев было разложено традиционное одеяние крагхов: шаровары из черного шелка и длинный отрез нежно-фиалкового, с богатой вышивкой. Внизу стояли изящные туфли без задников, зато с загнутыми носками.

Вздыхая, Алька кое-как оделась. У нее не получилось соорудить драпировку должной формы, поэтому свободный конец ткани она просто перекинула через плечи наискосок, за спину. Подойдя к зеркалу, Алька уставилась на собственное совершенно несчастное отражение: щеки запали, губы искушены, под глазами синяки. Она мокрыми пальцами пригладила

волосы, раздирая их на прядки. Посмотрела еще раз на сапфировое кольцо, и с новой силой всколыхнулась горечь в душе.

Мариус. Когда покупали кольцо, он собственноручно примерял ей его, попутно лаская шею, щекоча ямку под затылком. Она закрывала глаза, откидываясь назад, ближе к нему. Но они были в магазине, и он не мог просто взять и поцеловать ее, нежно и одновременно жарко, так, чтобы прикусить нежную кожу под мочкой уха. В те минуты Алька думала о том, что они все наверстают дома, когда будет время... А времени не оказалось.

Ей совершенно не хотелось выходить из комнаты. Все, что хотелось – снова свернуться клубком на кровати, закрыться от всего мира одеялом. Не видеть никого и ничего.

Но она все же отворила дверь, высунула нос наружу и увидела, что за дверью ее терпеливо поджидает низенькая девушка, может быть, чуть старше Альки.

– Ваше высочество! – она торопливо поклонилась в пояс, придерживая складки одеяния, – отчего же вы не позвали, чтобы я вам помогла?

– Ты Манни? – Алька с трудом вспомнила, какое имя называл Сантор.

– Я, это я, ваше высочество.

Манни была темноглазой и темноволосой, с круглым лицом, с маленьким носом и острым кукольным подбородком. Волосы были разделены на пробор и заплетены в две косы. Манни улыбалась смущенно, и при этом на ее округлых щеках появлялись ямочки.

– Отведи меня, пожалуйста, на ужин, – выдохнула Алька.

Больше ей ничего, совсем ничего не было нужно.

Манни снова поклонилась и пролепетала:

– Извольте следовать за мной.

...Алька уже и забыла, как это, брести по лабиринтам дворца повелителя крагхов. Чем дальше, тем больше возникало сомнений в том, что дворец – творение рук людских. Уж больно переплетение коридоров и галерей походило на внутренность муравейника. Или как будто они шли сейчас внутри переплетенных корней неведомого гигантского растения. Временами стены были ажурными от окон неправильной формы, и тогда Алька шла в сумерках, а временами приходилось нырять в крошечный мрак и идти почти наощупь. Им попадались крагхи... вернее, бывшие крагхи. Молча кланялись Альке, и также спокойно шли мимо. Мужчины, женщины. Иногда Алька видела стражников, узнавала их по кожаным доспехам – уж что-то, а это не изменилось. Потом они подошли к высоким резным дверям, двустворчатым, в форме арки, перед которыми навтыжку стояли стражи. Манни быстро обменялась с ними взглядами, и решительно распахнула перед Алькой двери.

Чувство было такое, словно прыгнула с обрыва в ледяную воду.

Яркий свет ударил в глаза. Громкие разговоры... Какие-то люди, сидящие за длинным столом. Алька отшатнулась, инстинктивно прячась в тех мягких сумерках, что царили в коридоре, но ее уже заметили, воцарилась тишина.

Она растерянно пошарила взглядом, увидела, как сидящий во главе стола Сантор поднялся и двинулся к ней.

Самый обычный мужчина. Статный. Хорош собой.

Мелькнула неуместная мысль – наверное, крагхи старели медленнее людей, потому что Сантор выглядит так, словно ему нет и сорока, а на самом деле он гораздо, гораздо старше...

– Алайна, – он уже был рядом, протянул руку, – хорошо, что ты пришла. Идем.

Она совсем растерялась. Снова пестрая, незнакомая толпа. Все ее разглядывали, щекам стало жарко, а перед глазами все плыло. Алька оперлась на руку Сантора, и он неторопливо повел ее к столу.

– Садись. Тебе нужно поесть, – тихо сказал отец.

Алька уселась на свободный стул, сообразила, что ее место как раз по левую руку от повелителя. Осторожно оторвала взгляд от пустой пока тарелки... и дыхание застряло в горле.

Напротив сидела тварь и смотрела на нее. Тварь с лицом Авельрона. Сердце замерло, потом заколотилось с удвоенной скоростью. Она растерянно глянула на отца... как же так? Он не видит? Не замечает чудовища?

– Алайна, – тихо позвал Авельрон, и наваждение схлынуло.

Альке захотелось уронить лицо в ладони и расплакаться. Это ведь Рон, теперь это точно Рон! Настоящий и живой. Как говорил Сантор, Эльдор сделал все, чтобы ее брат жил... А она...

– Аля, – тихо повторил брат, – пожалуйста... это я. Теперь это я.

Сантор шумно придвинул свой стул. Алька рассеянно наблюдала, как ей в бокал наливают вино. Пить... не хотелось совершенно. Разговоры за столом возобновились. Стук столовых приборов. Запахи пищи, от которой почему-то подташнивает. Ей поначалу казалось, что на нее будут глазеть, что будут обсуждать – но вышло так, что никто не обращал внимания. Алька осторожно посматривала на то, как Авельрон ловко пользуется ножом и вилкой, какие у него худые, жилистые руки. Сантор время от времени спрашивал какую-то малозначимую ерунду, вроде «хорошо ли посолен лехиор». Алька смиренно кивала, ковырялась в своей тарелке и едва ли съела несколько кусочков. Она как будто бы и была голодна, но кусок не шел в горло.

– Как ты себя чувствуешь? – негромко спросил Авельрон.

Алька молча кивнула. Потом посмотрела на него, невольно ища в нем тварь. Но твари больше не было: перед ней сидел Рон, худой, как бывает после долгой болезни, но одетый в шелка. И волосы были острижены, на висках так и вообще сбиты, а то небольшое, что осталось сверху, было зачесано назад.

– Я... могу с тобой поговорить? – грусть во взгляде.

Алька пожала плечами.

– Почему ты спрашиваешь?

– Тебе может быть неприятно меня видеть... – он запнулся, смерил ее задумчивым взглядом, – после всего. Мне... рассказали.

– Нет, что ты, – пробормотала Алька, хотя Рон и угадал ее состояние, – с радостью...

– Возвращайся к нормальной жизни, Алайна, – Сантор вклинился в их разговор, – раз уж ты здесь, тебе стоит уделить внимание собственному народу. С землями Порядка... пока что у нас так себе отношения.

– Война будет? – спросила Алька, замирая под тяжелым взглядом пронзительных черных глаз.

– Нет, – Сантор усмехнулся, – не будет. Они сюда не сунутся. Все-таки Флодрет не дурак, другое дело, что те, кто вокруг него, могут желать войны... Но нам есть чем осадить их, Алайна.

Алька подумала-подумала, и уточнила:

– Твари роя?

– Полагаю, тебя это тоже коснулось, – Сантор кивнул, – равно как и твоего брата.

– Я так и не знаю, в чем тут дело, – она вздохнула, – Мариус... он хотел заняться моим даром, но как-то не сложилось.

– Для того, чтобы заняться твоим даром, Мариус Эльдор нам не нужен. Да и не сможет он ничего сделать. Его дар – совсем другой, Аля. Так что... самое время взбодриться и заняться делами. Здесь ты дома.

Алька смущенно улынулась Сантору.

Ей хотелось объяснить, что вот сейчас... именно сейчас ей ничего не хочется. Совсем. Хочется не выходить из своей комнаты. Хочется быть одной и вспоминать-вспоминать-вспоминать, смаковать каждую деталь, каждую драгоценную частичку недавнего прошлого. Того, где был Мариус, и где они были вместе.

– Хорошо, отец, – согласилась она и снова уставилась в тарелку.

Там ее поджидали маленькие пирожные, но даже их не хотелось.

Авельрон все же пошел провожать ее до комнаты.

Странные ощущения. Вроде как и понимаешь, что это – брат, и что не сделает ничего дурного, но... все равно, страх никуда не делся. Постоянно кажется, что вот сейчас Рон повернется к ней, и глаза снова будут совершенно стеклянные, неживые.

Когда они отошли достаточно от обеденной залы и остались наедине, Рон осторожно прикоснулся к ее запястью. Алька невольно дернулась, отшатнулась.

Вздох.

– Я так и знал, что для тебя это все так и останется, – совсем тихое.

Она затрясла головой.

– Нет, нет. Нет! Ты... это не так. Ты не так понял. Просто...

Альке стало стыдно. В самом деле, Авельрон ведь не был виноват в том, что случилось. Это скорее ее вина, что позволила куполу рухнуть, а магистру – захватить тело брата.

Но Авельрон смотрел на нее так, что казалось, сам в эту минуту умирает от стыда и боли.

– Мне... рассказали, чем я был. – сказал глухо, – я не уверен, что после всего этого мне стоит оставаться во дворце.

– Ты не виноват, – выдохнула Алька.

Она почти не знала Авельрона, но одно знала точно: он пошел на большие жертвы, спасая Мариуса. И странно стыдиться того, в чем нет вины.

– Идем, – тихо сказал он, – отведу тебя в твою спальню.

Алька медленно пошла дальше. Щеки пылали. Мимо проплывали окна, из-за которых вся стена казалась ажурной. По галерее гулял ветер, и разговор как-то не клеился.

– Дворец на скалах, а у вас теперь нет крыльев, – сказала Алька, чтобы разбить гнетущую тишину, – как вы забираетесь на скалы?

– Я и сам здесь недавно, – напомнил Авельрон с усмешкой, – но мне уже рассказали, как лихо бывшие крагхи управляют роем. Теперь рой – наши крылья, Аля. Наверное, поэтому отец людей ни в грош не ставит. Они ведь не умеют летать, а мы все еще умеем...

– Но мы теперь тоже люди, – возразила она.

– Наверное, – эхом откликнулся Рон. Помолчал, а потом спросил, – он все-таки бросил тебя, да? Прости, что спрашиваю.

Она пожала плечами. Что здесь скажешь...

– Я сама дура. Надо было слушать Мариуса. А я... вообразила себе Пастырь знает что. В результате... видишь, тебя чуть не сожрала тварь.

– Не вини себя. Тебе казалось, что так будет правильно. Мы все ошибаемся...

– Да, но теперь...

Алька замолчала, быстро смахнула набежавшую слезинку.

Теперь она одна. Мариус ее оставил, и прав был... наверное, прав.

– Я говорил с ним, – вдруг сказал Авельрон, – когда он меня лечил. Ну, после того, как вышиб из моего тела ту тварь. Он мне все рассказал... Но я просил, чтобы он тебя не оставлял. Знаешь, что он мне ответил?

– Что? – слова застревали в горле.

Они снова остановились, Алька умоляюще смотрела на Авельрона. Почему-то казалось, что то, что он скажет... станет спасением.

– Аля, – в серых глазах тоска, – Мариус мне сказал, что поступает так, как должен. Это все, что он мне сказал.

– Понятно, – она кивнула.

– Не плачь, пожалуйста. Ты не заслужила... всего этого. Я хочу, чтоб ты была счастлива. Он осторожно, словно хрустальную вазочку, приобнял ее за плечи.

И на этот раз Алька не дрогнула, она ведь утвердилась в знании, что перед ней – Рон. Даже пахло от него... так же, как раньше. Чем-то таким домашним. Покоем. Безопасностью.

Она ткнулась носом ему в ключицу и всхлипнула.

– Как я могу быть теперь счастлива, Рон? Вот как?

Он молча гладил ее по спине.

– Я сама все поломала, – выдохнула она в шелковое одеяние, – я ведь знала, что он не простит.

– Это ничего... это пройдет.

А ей просто хотелось поплакать, и чтобы хоть кто-то утешил. От Сантора сочувствия не дождешься, он как будто железный. Только раз показал свою боль, когда умерла его королева.

– Не плачь, – бархатный шепот ласкал слух, – не плачь, у тебя все будет хорошо.

– Рон...

И она окончательно разревелась.

Позже... Он все-таки довел ее, трясущуюся, рыдающую до спальни. Он обнимал ее за талию, и в этих объятиях было что-то очень интимное, но одновременно очень родственное. Как будто Рон был частью Альки, а она – частью его самого. Ничего общего с влечением. Скорее, какое-то чувство стаи. Возможно, все это потому, что они оба были крагхами, и только потом стали людьми.

Но когда Алька проплакалась, ей стало чуточку легче.

Она приняла происшедшее. Она поняла, что Мариуса в ее жизни больше не будет и... как-то придется самой. Или не самой, но что-нибудь да получится.

Рон был рядом. От него пахло семьей. И Алька успокоилась, дала уложить себя в постель. Рон укрыл ее одеялом, старательно подоткнул его, чтоб ноги не мерзли, потоптался перед кроватью.

– Я пойду, Алечка.

– Хорошо, – она кивнула, – спасибо тебе. Мы... сходим еще куда-нибудь?

– Пока я во дворце, то да.

– Не уходи никуда, Рон, – попросила Алька, – не бросай меня. Без тебя мне будет совсем плохо. К тому же... Ты видел Арианну?

– Мне бы не хотелось сейчас об этом говорить, – уклончиво ответил Рон.

– Хорошо, – Алька согласилась, – как скажешь... приходи завтра утром, а?

– Приду.

Он на прощание легко поцеловал ее в макушку и ушел, тихо притворив за собой дверь.

Алька устало откинулась на подушки и закрыла глаза. Сил не было даже на то, чтобы раздеться. Потом она все же села, принялась разматывать ткань, чтобы одеть сорочку. И вдруг ее затошнило так сильно, что Алька едва успела добежать до таза на туалетном столике.

Утром... Ее осторожно разбудила Манни. Его величество повелитель Сантор приказал звать принцессук завтраку. Ее высочеству ночью было плохо? Что ж, все уберут, не беспокойтесь. Возможно, последствия удара головой. Или той магии, которую вливал в ее высочество тот мужчина, который и принес ее на руках во дворец.

Алька закусил губу, чтобы не разреветься вновь. Снова Мариус. Везде он, даже в словах служанки. Как тут забудешь? И перстень с раухтопазом, родовой перстень на пальце. Такое далекое и теперь недостижимое счастье.

– Позвольте, я помогу вам привести себя в порядок. Его величество ожидает к завтраку, не стоит опаздывать.

Алька обреченно вздохнула и отдалась в маленькие, но очень крепкие руки Манни.

В результате она была умыта, одета и причесана, и на сей раз все с драпировкой шаныи – как называла девушка отрез вышитой ткани – было правильно. Но сил... не было. И видеть

особо никого не хотелось. В черных глазах Сантора читался укор, остальные... просто незнакомые люди, когда-то крагхи. Бывшие.

Алька вяло брела вслед за Манни и ловила себя на том, что сейчас ей лучше всего здесь, в темных коридорах. А Мариус... что ж, он принес ее сюда на руках, и лечил, как мог. А потом бросил. Уж лучше бы и не лечил вовсе, дал бы просто провалиться в ничто, чем вот так, душу в клочья.

За завтраком собрались только приближенные к повелителю.

Сам он восседал во главе стола, по правую руку – Авельрон, место по левую руку пустовало, очевидно, ожидая Альку. Дальше, со стороны Альки, на стуле сгорбился немолодой уже мужчина, худой, чернявый, остроносый. Он быстро глянул на нее и также быстро отвернулся. Алька успела лишь заметить, что глаза у него были ярко-голубыми, словно летнее небо. А еще на завтраке присутствовал Кьер. Но он не сидел за столом, а стоял у окна, сцепив за спиной руки. Алька подумала, что выглядит Кьер как-то неважно. В напряженной позе сквозила боль, словно до этого убийцу Сантора избили. И волосы падали на лицо, Кьер стоял, опустив голову и рассматривая пол у себя под ногами.

– Садись, – Сантор указал на нее вилкой, – надеюсь, тебе лучше?

Алька выдавила из себя улыбку, прошагала к своему месту.

Лучше ли ей? Сомнительно. Тело выздоровело, а душа болит, и воспоминания терзают так, что хочется выть, забившись в самый темный угол.

По правую руку от нее оказался тот самый худой мужчина с холодными голубыми глазами. Алька исподтишка поглядела на него и пришла к выводу, что у него довольно приятное, располагающее к себе лицо и, наверное, острый ум. Жесткие черные волосы, коротко стриженные, были взъерошены в беспорядке, как будто незнакомец даже не счел нужным причесаться перед королевским завтраком.

– Алайна, – вновь прозвучал голос Сантора, – познакомься. Это Лиар Фэй, с некоторых пор – наш верховный маг.

– Очень приятно, – пролепетала Алька.

Лиар Фэй повернулся и теперь уже посмотрел на нее в упор. Да, в самом деле. Умное у него было лицо. А взгляд – острый, цепкий, пронизывающий.

– Я счастлив быть представленным принцессе, – спокойно сказал он, – я надеюсь, наше знакомство будет плодотворным.

Алька замялась. Наверное, нужно было что-то сказать?

– Я не видела вас раньше во дворце, – растерянно произнесла она, – правда, я здесь вообще мало кого видела, в последний свой визит.

– Раньше у нас и не было верховного мага, – Сантор усмехнулся, – раньше была Пелена. А потом, когда она рухнула, кого-то задело сильнее, кого-то слабее. Так получилось, что Лиар Фэй заполучил себе порцию Дара больше, чем прочие.

– Резерв? Отец, вы про резерв говорите?

– У нас все не так, – цепкий взгляд Фэя не отпускал, – сложно говорить о резерве, ваше высочество. Те, кто были крагхами, теперь повелевают роем, и самое первое умение, можно сказать, первичное – призыв тварей. В любое место. Вот так, сквозь пространство.

И умолк, наблюдая за Алькой.

Она поежилась. Она не совсем понимала, зачем здесь этот верховный маг, зачем отцу этот завтрак. Бросила взгляд на Кьера – как раз в тот миг, когда он тоже смотрел на нее – и едва не вскрикнула. Правая сторона его лица заплывла багровым кровоподтеком.

И вместе с тем Кьер продолжал стоять у стены. Он поймал огорошенный взгляд Альки и быстро отвернулся.

Да что тут происходит?

– Я позвал Лиара для того, чтобы он помог определить, есть ли в тебе наша магия, – прозвучал спокойный голос Сантора, – Авельрона задело Даром, он может призвать Рой. Возможно, ты тоже можешь?

Она пожала плечами. Призвать рой? Не пробовала. Даже в мыслях не было. Однако...

И вспомнила архаана, того, что стерег ее.

Как-то... она смогла ему приказывать.

И эти ожившие рисунки... тоже ведь не просто так?

– У меня рисунки оживали, – сказала Алька, глядя то на Фэя, то на отца.

– Вы призывали тварей роя в сформированные образы, – прокомментировал маг, сверля ее ледяным взглядом, – еще что-нибудь было?

– Меня слушался архаан, – несмело продолжила Алька, – у нас... как будто связь.

Лиар Фэй удовлетворенно кивнул.

– И это тоже проявление Дара. Вам нужно тренироваться, ваше высочество. Коль скоро вам досталось магии, неразумно ей пренебрегать. Принцесса должна уметь защитить себя.

Алька снова посмотрела на Къера, и ей показалось, что он едва заметно кивнул – и тут же отвернулся, чтобы никто не заметил их переглядываний.

– Хорошо, – покладисто сказала она, – я с радостью буду учиться... раз уж осталась здесь.

И вдруг вспомнила о том, что подарила бабочку принцессе. Получается, тварь роя подарила? А если, упаси Пастырь, это опасно?

Дальше начали подавать завтрак. Алька поковырялась в каше, выпила стакан сока, который оказался приятным – кисло-сладким, легким. На мясо даже смотреть не хотелось.

– Ты мало ешь, – заметил Сантор, – тебе все еще нехорошо?

– Все в порядке, отец, – промямлила она.

И поняла, что кроме кисленького сока больше ничего есть и не может. Последствия магии Мариуса? Или последствие падения на камни?

– Я бы предложил встретиться сегодня после обеда и хотя бы начать обучение, – голос Лиара Фэя звучал мягко, успокаивающе.

– С удовольствием, – ответила Алька.

Ей показалось, что именно этого и хотел от нее Кьер, чтоб она начала учиться.

Но, однако, что ж с ним случилось?

И почему ему не разрешено сесть за стол?

Алька поймала предостерегающий взгляд Авельрона, одними губами он произнес: «позже».

Пожала плечами. Позже так позже. Ей не нравилось происходящее, но, верно, задавать королю слишком много вопросов не стоит.

– Ты бледная, – снова сказал Сантор, сверля Альку пристальным взглядом.

– Со мной все хорошо, отец, – и она выдержала этот взгляд.

В самом деле, ведь мир не рухнет без Мариуса Эльдора. А она... что ж, она принцесса. И ей теперь надо учиться жить... как-то жить, да.

Позже, когда завтрак окончился, Авельрон взялся проводить ее. У Альки немного кружилась голова, поэтому она взяла его под руку. Так и пошли по крытой галерее. Свежий воздух был более, чем кстати.

– Что с Кьером? – тихо спросила она.

Авельрон поморщился, затем быстро огляделся и, убедившись, что они одни в галерее, так же тихо ответил:

– Кьер был наказан, судя по всему. Он ведь принадлежит отцу... ну и не уберег тебя. Показательная порка.

Алька невольно отшатнулась.

– Ты хочешь сказать, что отец наказал Къера? Вот так? Избил?

Пожатие плечами.

– Кьер получил столько плетей, сколько ему причиталось, Аля.

– Дикость какая... – мысли закрутились в голове цветастым вихрем.

Она ведь... ничего такого не ожидала от отца. Как он мог? За что? Разве Кьер виновен?

Авельрон лишь головой покачал и мягко погладил ее по запястью.

– Послушай, маленькая... Ты ведь не жила тут и мало что знаешь. Все это время, на протяжении столетий, здесь были именно такие порядки. Традиции, понимаешь ли.

– Но теперь же... – она хотела возразить, сказать, что теперь все изменилось, но Авельрон махнул худой рукой, словно рассекая воздух.

– Ничего не изменилось, Аля. Сантор будет править железной рукой, как и раньше. И больше всего на свете я боюсь, как бы ты не оказалась просто разменной монетой.

– Он же мой отец, – совершенно растерявшись, брякнула Аля.

– Да, он твой отец, – согласился Авельрон. В его серых глазах снова была тоска, – но прежде всего Сантор будет думать о своих землях и своих подданных. Не думаю, что он захочет сделать какую-нибудь гадость лично тебе, но... Ты не должна питать иллюзий, понимаешь меня? Не должна. Ты не свободна здесь, и никогда свободной не будешь.

А Аля слушала его и вспоминала...

Ведь правда, здесь такие традиции. Очень жестокие. Вспомнить хотя бы, как тварям роя бросали человека. Или то, как Сантор недрогнувшим голосом отправил на виселицу женщину, беременную от него же.

– Ты видел Арианну? – спросила осторожно.

Авельрон молча приобнял ее за талию и повел дальше, вдоль окон.

– Зачем мне видеть ее, Аля?

– Она тебя любила, Рон.

– Она предала нас всех из-за чувства, и предаст еще неоднократно. К тому же, она носит ребенка моего отца. Зачем мне с ней видеться?

Он помолчал, размышляя.

Затем попросил:

– Алечка, маленькая моя сестренка. Не бери лишнего в голову. Подумай лучше о том, что нужно лично тебе. У тебя кто-нибудь остался там, в землях Порядка? Возможно, его стоит переправить сюда?

И тут Аля совсем растерялась. Да, у нее остался братик, ее маленький сводный братик, которого она любила. Но... стоит ли тащить его сюда, в эти жестокие земли?

«Мариус не должен его бросить, – пронеслось в голове, – не должен».

Поэтому она, пряча глаза, лишь покачала головой.

Нет, у нее никого там не осталось. Незачем даже думать об этом.

А перед глазами почему-то Кьер, который стоял у стены и едва держался на ногах. За что его наказал Сантор? Кьер не так уж и виноват.

– Тоскуешь по нему? – вдруг спросил Авельрон.

Не нужно было гадать, о ком шла речь. Аля поежилась и кивнула.

– Очень. Иногда мне кажется, что не будет мне жизни... без него.

– Время лечит, – лаконично заметил брат, – да и ты не долго будешь одна.

– Я не хочу...

– Думаю, тут не стоит вопрос о том, хочешь ты или нет, – Он медленно гладил ее по тыльной стороне ладони, – ты принцесса, Аля. А все принцессы выходят замуж. Да хоть и за верховного мага. Отец с удовольствием заручится его постоянной поддержкой... в любых вопросах, понимаешь?

Она выдернула руку.

– Зачем ты мне это говоришь?

Кривая улыбка. И тоска в прозрачных серых глазах.

– Затем, чтоб для тебя не было сюрпризом, если однажды отец отдаст тебя кому-нибудь.

– Он не сделает это против моей воли!

Ведь не сделает же?... Вольную птицу не удержишь в руке.

– Ты сама сделаешь все, что он прикажет, – Авельрон усмехнулся одними губами, – потому что это нужно будет государству. А принцессы не выбирают свою судьбу.

У Альки перед глазами замельтешили алые точки. Кровь прилила к голове, щекам стало жарко. Так хотелось... сказать что-нибудь злое, обидное...

Но не успела.

Раздался торопливый звук шагов, в галерею вбежал стражник.

– Ваши высочества! Ваши высочества, его величество требует вас к себе. Прибыл гонец из земель Порядка, повелитель желает, чтобы вы знали новости!

– Идем, – Авельрон решительно стиснул Алькину руку.

Пришлось почти бегом добираться до кабинета Сантора. У Альки голова кружилась от всех этих поворотов, хитро заверченных коридоров, неправильных форм и скругленных контуров. Авельрон дотащил ее до отцовского кабинета, он тоже запыхался, тело еще не до конца восстановилось после того, что сделал с Роном магистр.

Постучались.

А потом, когда по ту сторону прозвучало хмурое «войдите», Авельрон распахнул перед Алькой дверь, учтиво пропуская ее внутрь.

Сантор... сидел за письменным столом, выточенным из цельного камня. Из овальных окон лился розоватый свет, искрился по книжным корешкам, ложился пятнами намолочного цвета стены. Перед повелителем крагхов лежал тщательно расправленный свиток, Алька увидела круглую сургучную печать на золототканом шнуре. И отчего-то этот сургуч напомнил ей спекшуюся кровь. Резко стало нечем дышать, перед глазами потемнело.

«Да что это со мной», – рассердилась она.

На миг закрыла глаза, попыталась успокоиться. Вроде помогло, кабинет перестал плыть. На запястье – теплые пальцы Авельрона.

– Я получил послание из земель Порядка, – неожиданно добродушно сказал Сантор, – это тебя касается, Алайна. Орвил Дей Флодрет просит твоей руки, чтобы сделать ваш брак залогом мира между нашими землями.

Глава 2. Эрифрейский потрошитель

Утро было на редкость отвратительным. До полудня Мариус провалился в постели, мучаясь мигренью. Пару раз к нему заходила Энола, все в той же личине легкомысленной блондиночки и приносила теплый чай с лимоном, в большой кружке. Она ставила ее на тумбочку, помогала Мариусу сесть и собственноручно поила его, бурча о том, что-де магам ну совершенно нельзя «так надираться». У Мариуса, у которого в висках все равно что раскаленной проволокой вертели, возражений не было. Он послушно, маленькими глотками пил чай. Закрывал глаза, потому что даже в полумраке смотреть было больно. Еще в полузабытьи ему мерещилось, что кто-то тихо подходил к кровати, стоял, громко сопя, и снова уходил. А потом Мариус открывал глаза – и никого...

К обеду немного отлегло. Он облачился в халат и спустился на кухню, сам толком не зная, зачем. Без Алайны дом как будто опустел. Закатилось яркое солнышко.

На кухне Аманда раскатывала тесто, Телора тут же толкла вареную картошку, видимо, готовя начинку для пирожков. Шмяк сидел на спинке стула и старательно – ну совсем как кот – вылизывал пушистую шкурку, время от времени раскрывал крылья и тряс ими, словно кому-то угрожая. Лива сидела в самом углу, там, где падал свет из окна, и рассматривала книгу с картинками. Бертрана... не было, видать, отлучился по делам.

Едва завидев Мариуса, женщины вскочили на ноги, выжидающе уставились на него. Мариус махнул рукой.

– Сидите, фье, не обращайтесь на меня внимания. Разве что... кто-нибудь угостит меня кофе?

Телора нервно пригладила рукой волосы. Рыжие, выющиеся, они непослушно торчали во все стороны, и Телора изрядно напоминала одуванчик, только цвета новой меди.

– Ниат Эльдор... Ниата Алисия сказала, что... ваша невеста осталась в землях за Пеленой? – прозвучал неуверенный вопрос.

– Да, – сказал Мариус.

И удивился тому, как спокойно это прозвучало, в то время как внутри все скрутилось в болезненной судороге. Эх, Алька, Алька...

– Вы... вы ее бросили, – удрученно сказала Телора, – после всего... она ведь считала, что ее дом здесь, рядом с вами.

– Я поступил так, как считаю нужным, – деревянным голосом ответил Мариус. То же он сказал и Авельрону, которого снова вытаскивал почти из-за черты.

– Кому – нужным? – одними губами спросила женщина.

– Ей нужным, – он пожал плечами, – так я могу рассчитывать на кофе?

Опомнившись, Аманда и Телора разом бросились к шкафу, где стояла жестянка с молотым кофе, столкнулись, затем Аманда все же отвоевала право варить кофе хозяину, Телора молча вернулась к начинке. Мариус почувствовал, как кто-то взял его за руку. Оказывается, Лива совершенно неслышно подкралась, и теперь жалобно заглядывала в лицо, и губы дрожали.

– Не печалься, – сказал Мариус и погладил девчушку по волосам, таким же пушистым и рыжим, как и у матери.

Снова резнуло болью под сердцем. Когда-то он очень хотел детей, да не получилось. Потом... надеялся, что у них с Алайной родится ребеночек, и тоже не вышло. Все было пусто, серо, безвкусно. Потом сообразил, что здесь прозвучало новое имя.

– А кто такая Алисия? – спросил он у женщин, присаживаясь с краю стола.

– Так это ж... она который день тут живет, – сварливо отозвалась Аманда, – гостевую спальню заняла. Ходит тут, командует. Да еще и в кабинете вашем такой беспорядок устроила, что просто жуть. А убираться мне не дает, просто не пускает туда.

Значит, Энола Дампи назвалась Алисией. Мысли медленно крутились в голове, вязкие, все какие-то неприятные.

– И правда, – проговорил он, – я и забыл.

– Эта Алисия и выручать вас ездила, когда вы давеча домой не явились, – голос Аманды чуть смягчился, – она вам кто, ниат Эльдор? Родственница какая?

Перед Мариусом поставили наконец кружку с горячим кофе, крепким, густым, как он любил. Он потянул носом аромат и вдруг вспомнил, как они завтракали с Алькой, и как она задумчиво откусывала кусочки печенья.

У нее все будет хорошо, у его любимой птички. Она ведь и не нужна Магистру. Он нужен, его тело нужно. А Алайна – просто привязанность, которой тварь и воспользовалась.

Мариус сидел за столом, прихлебывая кофе и постепенно приходя в себя. Давешний загул все же был плохой идеей. Глупо пытаться залить что-то спиртным, это что-то все равно всплывет. Да и вообще, надо было брать себя в руки и приниматься за дела. Нужно было думать, как помочь Эноле восстановить доброе имя в глазах короля. А еще нужно было решать, как убить Магистра, вернее, тварь, которой он стал. И тогда, если очень-очень повезет, он снова отправится к Алайне. Вдруг случится чудо, и она простит ему свое разбитое сердечко?

Позже он поднялся наверх, в кабинет. Энола Дампи ожидаемо возилась с какими-то детальками, судя по виду, латунными. Составляла что-то, тыча паяльником в раскрытый цветком артефакт, и тут же добавляла меж металлических лепестков непонятные Мариусу крошки, подбирая их с белого блюдца.

Вокруг нее стол был уже завален свитками, книгами, блестящими трубками, стеклянными колбами, большими и маленькими. Совершенно новая столешница покрылась разноцветными пятнами, в некоторых местах была обожжена.

Мариус тщательно прикрыл за собой дверь, подошел к столу.

– Алисия?

Удостоился хмурого взгляда голубых глаз в длинных кукольных ресницах.

– Ну, а что, – буркнула Энола, – какая разница? Раз я здесь надолго, то пусть будет Алисия. Можете смело хвастаться вашими любовными победами. Пусть все думают, что вы меня содержите.

Мариус хмыкнул и уселся в кресло.

– Я только потерял невесту.

– Вы ее еще не потеряли, ниат Эльдор, – снова взгляд пронзительно-голубых глаз, – она вас простит. Верьте хотя бы в это, и вам будет легче.

Мариус помолчал. Ему очень хотелось, чтобы все было так, как сказала Дампи, но...

– Как вы себя чувствуете? – спросила она, не прерывая своего занятия.

Артефакт в миниатюрных тисках был похож на латунную розу, меж лепестков которой чего только не было понатыкано. Мариус даже разглядел засушенную воробьиную лапку.

– Значительно лучше, спасибо. И... спасибо за чай.

Энола фыркнула и ничего не сказала. Потом отложила паяльник, отодвинула в сторону неготовый еще артефакт.

– Вы пришли о делах поговорить, я полагаю?

Он кивнул. Да, никуда не денешься от этих дел.

– Хорошо.

Энола сложила пальцы домиком, еще раз окинула Мариуса непонятым взглядом.

– У нас, магистр Эльдор, два больших дела намечается. Первое – это убить ту тварь, что научилась вселяться в чужие тела. Второе – найти и тоже убить ту тварь, которая подвергла его величество воздействию, а во всем обвинили меня. И если с первым все ясно, то со вторым...

Пожала плечами.

– Я понятия не имею, что делать с астралом, – честно сказал Мариус, – пока что и в Надзоре ничего не нашел по этому вопросу.

– Если вы хотите убить тварь, то вам наверняка придется туда войти, в астрал этот. Всего-то следующий слой за обычной магией, но... – тут она поцокала языком и улыбнулась, – только человек уровня архимага может это проверить и вернуться живым.

Мариус усмехнулся.

– Хорошо. А чем определяется, относится ли маг к этому уровню? Величиной резерва? Уровнем владения магией? Чем?

– Вам придется стать чем-то большим, чем обычный маг, резерв точно придется наращивать, – задумчиво проговорила Энола, – вы не подумайте, это не я придумала. Вот. – И постучала ногтем по толстой книге с краю стола.

– Сомневаюсь, что у меня получится, – он вздохнул, – я тот, кем меня изготовил предыдущий магистр, не больше и не меньше. Я чувствую магическую материю. А вот астрал – это уже лежит за моими возможностями.

– Вы меня не слушаете, – ехидно заметила Энола, – я вам говорю, придется резерв наращивать, чтобы дотянуться до астрала.

– Я бы с радостью, но...

– Тогда мне нужна лаборатория, – она глянула выразительно, – не вот эта вот комнатуха, а настоящая лаборатория... У меня была такая, в моем доме. Чтобы я могла нормально работать. И тогда я сделаю для вас ту систему артефактов и сывороток, которые смогут вас изменить.

– А жив я останусь при этом? – Мариус горько усмехнулся.

– Останетесь, не сомневайтесь. Отправитесь к своей девочке. Будете носить ее на руках, покупать охапки роз и кормить конфетами. Только организуйте мне нормальное рабочее место.

– Подвал вас устроит? Здесь довольно большой подвал.

Энола лучезарно улыбнулась.

– Лишь бы там было много места. Знаете, настройка многих артефактов просто требует больших пространств. Там слишком тонкие различия в потенциалах, которые заметны только на расстояниях. Ну, а я ведь не пойду всем этим на улице заниматься. Как понимаете, ищейки Фаэра не дремлют...

И она умолкла, запнувшись. А когда Мариус посмотрел на Энолу, то понял, что она тихо плачет. По бледным щекам пролегли прозрачные дорожки.

– Энола...

– Не надо, – она замахала руками, потом достала из рукава свернутый носовой платок, – простите меня... как подумаю... оно само получается... Представить себе не могу, как он повел во все это?

«А Алька мне тоже не поверила», – подумал мрачно Мариус.

Энола звучно высморкалась, поморгала, помахала перед лицом листом бумаги, осушая слезы.

– Как думаете, кто отстриг прядь волос его величества, чтобы положить в артефакт? – напрямую спросил он.

– Понятия не имею. – Энола всхлипнула, – это точно была не я. Да и... знаете, по всем правилам артефакторики этого было бы недостаточно, чтобы воздействовать на волю короля. Такое воздействие при помощи артефактов возможно только через кровь либо самого Фло-

дрета, либо через кровь очень близкого родственника. Разве что... у малышки Леоны пару капель сцедили? Но она ни на что не жаловалась.

– А вы ничего странного во дворце не замечали?

Энолу было жаль. В облике юной блондиночки она сейчас выглядела совершенно раздавленной. Наверное, она в самом деле имела несчастье влюбиться в Флодрета. Да и непохоже было, чтобы она в самом деле хотела влиять на его волю, чтобы хотела войны с Сантором.

– Дайте-ка подумаю, – прошептала она, – у нас... ничего такого никогда...

И вдруг умолкла, буквально сверля Мариуса застывшим взглядом.

– Что? – он невольно приподнялся. – что, Энола?

– Однажды я видела на плече его величества следы от чьих-то зубов, – медленно произнесла она, – но я тогда... почти не придавала значения этому. Мало ли. Случайная любовница. Это было в начале наших отношений, и я не имела никакого права задавать вопросы, поэтому промолчала. Но это...

– Это было странно, – согласился Мариус, – не думаю, что Флодрет таскается по бабам. И сам я... недавно видел у него на руке след укуса. Кто его мог покусать?

Энола рвано выдохнула.

– Магистр... Мариус... я уже ничего не понимаю во всем этом. Артефакты – это просто. Взаимодействия, потенциалы... ничего сложного. А вот это все... но мне почему-то кажется, что тут и Фаэр все-таки замешан.

– Не удивлюсь, если это так, – он поднялся на ноги, – Энола... не желаете ли сегодня вечером прогуляться по Эрифрее?

– А мы можем заглянуть в лавку дядюшки Шульца?

– Это тот, который торгует компонентами для артефактов?

Она кивнула.

– Ну, для лаборатории. Вы же хотите вернуть свою невесту? И, наверное, как можно быстрее?

Мариус через силу улыбнулся.

– Знаете, я думаю, у нас все получится. Мы выведем на чистую воду Фаэра, если это он. Мы раскопаем, кто кусал Флодрета. И вы вернете себе все, что было вашим.

Они в самом деле отправились на прогулку, ближе к вечеру, когда Энола закончила возиться с очередными расчетами, а сам Мариус наведаясь в Надзор, перебрал кипу оставленных документов и раздал указания подчиненным. Кроме того, он успел лично провести собеседование с тремя магами, которые до падения Пелены таковыми не являлись, а тут вдруг начали замечать за собой странное, отчего добровольно явились в Надзор. Впрочем, там они и остались для дальнейшего обучения, поставленные на полное довольство.

Помимо этого Мариус написал письмо Энгеру Фирсу с просьбой донести до Тиберика новость о том, что они с Алайной уехали на юг разбираться с поместьем Мариуса и вернуться не раньше, чем к лету. Тошно было писать эту ложь, но... Мариус не смог заставить себя написать маленькому Тибу о том, что они так и не поженились. Стыдно было думать об этом. И все-таки теплилась надежда, что Алька простит, и когда-нибудь они будут вместе.

И вот, в подступающих мягких сумерках короткого зимнего дня, он вышел из дома под ручку с Энолой, провожаемый осуждающими взглядами Аманды и Телоры.

Это было... странно. Непривычно. Идти с кем-то рядом и понимать, что этот кто-то – не она. Другая.

И точно так же Мариус понимал, что для всех – и для мертвой твари из астрала – они с Алькой расстались.

Правда, тварь могла покуситься теперь на Энолу, но, положив руку на сердце, Мариус с неохотой признался себе, что на безопасность Энолы Дампи ему, мягко говоря, наплевать. А вот на безопасность птички – нет.

От осознания всего этого неприятно скреблась совесть, он не знал, что с этим делать. Все было плохо – по отношению к Дампи, которая хотела и могла помочь, по отношению к Альке, до которой рано или поздно дойдут слухи, что Мариус Эльдор взял себе содержанку, по отношению к нему самому, отчего хотелось пойти и еще раз попытаться залить вот это ощущение неправильности чем-нибудь горячительным. Мариус только сжимал зубы и старательно смотрел на мостовую себе под ноги. Сейчас... он ничего не мог изменить.

Дом магистра Надзора располагался в центре Эрифреи, известная мастерская Шульца – в трех кварталах. Поэтому пошли пешком. Изредка поглядывая на Дампи, Мариус заметил, что она с детским восторгом озирается по сторонам, словно до этого никогда не была в Эрифрее. Она поймала его вопросительный взгляд и смущенно улыбнулась.

– Знаете, Мариус, а я ведь очень давно ни с кем вот так никуда не выходила. Я даже забыла, как это – никуда не спешить, а просто идти и смотреть по сторонам. Вот этого бара, – она кивнула в сторону брутального «Ниата Главнокомандующего», – я даже не помню.

– Пару лет назад открылся, – пояснил Мариус.

– Я редко выходила из дому. – плечи Энолы опустились, – знаете, все дела... Дела гильдии. Да и во дворце...

И осеклась. Потому что для нее воспоминания о том, что было «во дворце» наверняка были равносильны мучениям Мариуса по поводу отсутствия здесь его маленькой, такой родной птички.

Потом они долго перебирали ингредиенты для создания артефактов в лавке Шульца, попутно выслушивая лекции о том, как эти артефакты создавать. В молодой голубоглазой блондиночке старик Шульц нашел благодарного и безответного слушателя, и по этому поводу разразился почти двухчасовым повествованием о том, какой лучше припой использовать, как более экономно распиливать друзы цитрина, как раскраивать латунный лист... Ну и так далее. Мариус, не видя для себя пользы в компании в горах всякого добра, переместился на диван, там в какой-то миг поймал себя на том, что начинает клевать носом. Но – хвала Пастырю – Энола наконец завершила покупки, подошла к нему.

– Я – все, – усмехнулась, – вы оплатите?

Мариус кивнул, полез за кошельком, одновременно пытаясь понять, какого объема пакеты им придется тащить и не лучше ли поймать экипаж. Однако, никаких пакетов не было. Энола понимающе улыбнулась и протянула на ладони бархатный мешочек, в который могло поместиться несколько конфет.

– И это все? – он едва не добавил, и ради этого мы тут два часа проторчали? Но вовремя прикусил язык. Энола наверняка не только для себя старается.

– В денежном эквиваленте это не так уж и мало, – заметила она, – здесь все, что мне нужно для построения экспериментальной модели. А прочие устройства заберу из своего тайника, о нем никто не знал.

Мариус расплатился с Шульцем. Получилось и правда недешево, но он даже спрашивать не хотел, почему именно эти ингредиенты захотела приобрести Энола Дампи. Ей-то виднее.

Потом они вышли из лавки. Сумерки перетекли в ночь, внезапно звездную и морозную. Воздух был свеж, так, что впервые после расставания с Алайной Мариусу захотелось просто стоять, смотреть на небо и дышать полной грудью.

А как там его птичка? Или... не его уже?

Снова накатывала тоска. И снова желание забыться, хоть как-то.

Энола осторожно тронула его за предплечье.

– Мариус... а давайте сходим куда-нибудь просто поужинаем? Вот так, чтобы никуда не спешить? Просто сидеть и смотреть в окно на небо.

Он усмехнулся. Как странно. Энола Дампи тоже увидела эту красоту, россыпь ярких, крупных звезд в глубокой черноте. А птичка? Смотрит ли она сейчас на звезды?

– Давайте, – согласился он, – тут неподалеку вроде был хороший ресторан. У них на втором этаже прекрасные панорамные окна...

И мыслями снова вернулся к Алайне.

А потом оборвал себя. Если Магистр может дотянуться к его сознанию из астрала, не нужно ему знать, что все это расставание – сплошное вранье.

Прикусив губу, Мариус заставил себя думать о золотых локонах идущей рядом женщины. Между прочим, любовницы самого короля. На настоящий момент – бывшей любовницы.

Заведение, куда он пошли, располагалось в двух кварталах от лавочки старика Шульца, ходу было минут двадцать по освещенной улице, от которой по бокам разбегались в стороны переулки, похожие на темные провалы.

Ресторан же был виден издали, новое здание с высоченными окнами, украшенный свешившимися лентами. У входа было людно, место было хорошо известным, и Мариус ничуть не удивился, когда прямо в пороге столкнулся с выходящим из ресторана Фаэром. Пальцы Энолы судорожно стиснули предплечье, но когда Мариус покосился на нее, то не увидел на хорошеньком личике ни следа волнения или страха. Только чуть высокомерную улыбку, которая очень даже подходит женщине, идущей ужинать с магистром Надзора.

Ну и Фаэр. Глупо было ожидать, что тот смолчит – да он и не смолчал.

– Ба, магистр, – острый взгляд блеклых голубых глаз профессионально-цепко obeжал Мариуса, – я смотрю, вы протрезвели и решили продолжить дебош?

– Ничуть, – Мариус заставил себя доброжелательно улыбнуться, – в свою очередь, хочу выразить вам признательность, Фаэр, за то, что не позволили борделю сгореть.

Фаэр мгновение смотрел на него, затем хохотнул. Кивнул на Энолу.

– Я вижу, у вас обновка? А куда делась предыдущая?

Оставалось только пожать плечами.

– Ну вы же помните, Фаэр, что мою невесту утащили твари роя. Как понимаете, больше я ее не видел.

Прозвучало... угрожающе. И Фаэр примолк, сообразив, что сболтнул лишнего, и что, ежели невесту утащили твари Роя, то вполне объяснимо, почему ее больше никто и никогда не видел.

– Соболезную вашей утрате, – сухо сказал он, – однако, вижу, что вы быстро нашли замену?

И принялся нагло разглядывать Энолу. Та в ответ с интересом поглядела на Фаэра, такая глупенькая блондинка с кукольным личиком, но затем повернулась к Мариусу, захлопала ресницами.

– Дорогой, у тебя была невеста? Ты мне ничего не говорил!

– Дорогая, – Мариус поморщился. Непривычно и неприятно. Вот он уже и другую женщину называет «дорогой». Пусть в угоду Фаэру, пусть на публику, но все же. – Идем, дорогая, – повторил он, выразительно глядя на Фаэра, – я все тебе объясню... за ужином.

Кивнул застывшему собеседнику.

– Вы позволите? Девушка проголодалась.

Фаэр молча шагнул в сторону, освобождая дорогу, и они нырнули в хорошо освещенный холл. И только тогда Мариус сообразил, что рука Энолы, что цеплялась за его предплечье, трясется. Он механически погладил ее ледяные пальцы, сжал их. Так непривычно... Руки у Энолы крупные, и сквозь личину можно нащупать старые шрамы на тыльной стороне ладони.

У Альки руки совсем другие, тонкие, узкие кисти, изящные пальчики, которые он так привык целовать.

– Ну, ну, успокойтесь, – пробормотал Мариус, понимая, что еще чуть-чуть, и у его дамы начнется истерика.

Впрочем, если бы Фаэр наблюдал за ними, все выглядело более чем правдиво: девушка узнала, что у ее мужчины совсем недавно еще была невеста. Как тут не закатить истерику?

– Я... спокойна, – с присвистом, сквозь зубы, пробормотала Дампи, – надеюсь, он не почувствовал подвоха.

Мариус промолчал. Хорошо бы... потому что Фаэр, похоже, из тех, кто вцепится мертвой хваткой и не отпустит.

– Идемте в гардеробную, – он указал на лестницу, ведущую вниз.

Потом они выбрали столик у окна, так, чтоб можно было любоваться звездным небом. Правда, результат оказался не так хорош, как того бы хотелось: крыша дома напротив заслоняла обзор, оставалась лишь широкая звездная полоска посередине. Хорошо еще, что в зале не было яркого освещения – лишь свечи на столах, да и посетителей на втором этаже оказалось не много, основная часть предпочла остаться на первом этаже.

Пока ждали заказ, молчали, каждый думал о своем. Потом официант принес бутылку вина, белого и легкого, разлил по бокалам. Подали сырную нарезку, салаты. Энола устало откинулась на спинку стула, теребя артефакт личины, а Мариус задумался – а каково это, носить маску, получается, на всем теле? Может, от нее зуд или прочие какие неудобства?

– Давайте выпьем, что ли, – мрачно сказала Дампи, – за успех нашего с вами предприятия.

Мариус не стал отказываться. Вино оставило на языке терпкий, с едва заметной травяной горчинкой, привкус.

Энола огляделась. Ближайший занятый столик был у стены, почти на противоположной стороне зала, так что можно было не опасаться, что их будут подслушивать.

Мариус тем временем вяло жевал креветку из салата. Креветок сюда привозили во льду, практически, с южной оконечности королевства, так что блюдо ценой вполне соответствовало уровню заведения. Энола подцепила вилкой салатный лист, посмотрела на него с тоской, затем положила обратно. Чуть наклонилась вперед.

– Давайте, что ли, поговорим.

– О чем? – методично выбирая креветок, Мариус покосился на бутылку с вином. Желание довести себя до беспамятства снова проклюнулось. Где там его птичка? И почему, пропади все пропадом, он – здесь, а она – осталась там, где красные скалы?

– Вы мне так толком и не рассказали, что на самом деле случилось, – задумчиво произнесла Энола Дампи, – все, что я знаю, так это то, что некая тварь астрала овладела телом вашего пленника, в результате утащила невесту... и как итог – вы с девушкой расстались. Почему вы с ней расстались, Мариус? Я же вижу, что вам даже рядом со мной не по себе. Не возражайте, у вас это на лице написано.

– Я... – он отложил вилку, с опаской посмотрел в голубые кукольные глаза Алисии. Не смеется ли? Но лицо сидящей перед ним женщины было совершенно серьезно. Даже тонкие горькие морщинки Энолы начали прорисовываться сквозь личину.

– Я оставил ее у отца, – выдохнул он, – тварь охотится за мной, за моим телом. Пока я не убью ее, Алайне опасно рядом со мной.

– Хорошо, – Энола усмехнулась, – но объясните мне вот что. Почему вы решили, что нужны этой твари? Они ведь... едва разумны, насколько мне известно. Дались вы ей...

– Вы не понимаете, – он покачал головой.

– Ну так объясните мне, – твердо сказала Дампи, – ежели хотите, чтоб от нашего союза был толк. В конце концов, я должна понимать, чего мне ждать в будущем.

Он вздохнул. Наверное, Энола была права. Сейчас она вынуждена действовать практически вслепую. Ну и, наверное, будет честным дать ей понять, что и она в опасности... пока рядом с ним.

Принесли горячее. Мариус заказывал жаркое с грибами в горшочке, а Энола – рыбу, которую зажарили на углях. Когда официант удалился, Мариус открыл крышку, вдохнул приятный аромат хорошо приготовленного мяса и понял, что даже это искусно приготовленное и им любимое блюдо уже не вызывает интереса. Без Альки все казалось безвкусным и блеклым.

Посмотрел на Энолу. Она проворно ковырялась вилкой в рыбине, выбирая кусочки белого мяса и отправляя их в рот.

– Вы правы, – он вздохнул, – раз уж мы вместе, вам стоит знать все. Но... очень рассчитываю на ваше умение молчать.

Дампи усмехнулась, посмотрел на него с прищуром – так, словно насквозь видела.

– Ну что вы, в самом деле. Кому я побегу рассказывать? Фаэру? Или королю, который объявил меня преступницей? А больше... больше у меня никого нет, ниат Эльдор. Родители давно умерли, когда мне было восемь лет. Но к тому времени я даже и дома не жила, выросла в пансионе.

– Хорошо... Ладно, – он все никак не мог собраться с мыслями, потер переносицу, – я в самом деле... в общем, слушайте.

И он рассказал. Все то, что произошло раньше, начиная со смерти Фредерика, его друга-архивариуса, который был убит одним из рабов прежнего Магистра. Начиная с дневника, заляпанного кровью, который Мариус потом на столе Магистра и увидел. С Ока Порядка, которого никогда не существовало. В общем, все. И когда, наконец, закончил, как-то даже легче стало.

Энола, которая молчала все это время, сцепила пальцы замком, покачала головой.

– Однако.

– Вы сами хотели знать, – буркнула Мариус.

Теперь он уже сомневался в том, правильно ли поступил, открыв все подробности едва ли знакомой женщине, и оттого начинал злиться.

– А что я должен был делать? – спросил раздраженно, – я всего лишь...

– Вы хотели быть счастливым, – спокойно сказала Энола, – каждый имеет право на счастье, этого не отнять. Более того, будь на вашем месте, я бы поступила так же...

Она задумалась, теребя салфетку, и сквозь личину снова проступили тонкие морщинки. Мариус подумал, что, наверное, в моменты душевного напряжения личина истончается, того и гляди, проглянет истинная Энола Дампи с ее рысьими глазами и умным лицом.

– Я тоже хочу быть счастливой, – продолжила она, – пусть и просто любовницей... правда, опасаясь, что после всего этого... я сама от него уйду.

– Зато теперь вам понятно, что за тварь астрала, и почему ей нужен именно я. – буркнул Мариус.

Энола внезапно рассмеялась, затем подхватила бокал и сделала большой глоток.

– Отменная просто тварь, ниат Эльдор. Но, если вы полагаете, что меня все это напугает, то вы меня просто совсем не знаете. И, конечно, то существо... оно сильно, да, уже хотя бы тем, что прячется в недостижимом для вас астрале. Пока недостижимом... Но в этом же и его слабость, – она подмигнула, – вы не поверите, но... да, слабость! Чем дольше сущность нашего магистра будет пребывать в астрале, тем сильнее будет деградация его умственных способностей. Это неизбежно. Рано или поздно он превратится в самую обычную, совершенно тупую тварь астрала, каких тысячи. И, заметьте, они особо сюда не лезут, разве что только каким возмущением магических полей забросит. Так что мы его переиграем, рано или поздно, и вы вернете себе вашу Алайну. Хорошо, что вы мне все рассказали. По крайней мере, теперь я понимаю, с чем мы имеем дело...

Она помолчала, а потом добавила:

– Знаете, а я ведь давно подозревала, что с тем Магистром не все ладно. На всех магических советах я сидела рядом, и, знаете, пахло от него так неприятно. Как от трупа. Легкий такой душок, едва заметный... а я все не могла понять, что ж такое. А оно вот как оказалось.

И, вздохнув, она снова принялась за рыбу, уже остывшую. Мариус снял крышку с горшочка и все-таки попробовал мяса. Оно, конечно, было великолепным, таяло во рту, но...

«Если бы Алька здесь была». – Тоскливо подумал Мариус.

Тогда все было бы иначе.

Позже... они вышли из ресторана.

Над Эрифреей все так же плыла звездная, чуть морозная ночь. Стены домов поблескивали в свете лайтеров тонкой корочкой инея, и было тихо, необычайно тихо для центра Эрифреи. Возможно, потому что был поздний час и даже завсегдатаи ресторанов уже разошлись по домам. А может быть, просто похолодало, и эрифрейская публика, непривычная к морозу, сидела у каминов, попивая глинтвейн.

– Пешком пойдем? – спросила Дампи, поднимая воротник шубки.

– Если вы не против, – Мариусу почему-то хотелось подольше побыть под этим бархатым небом, украшенным россыпями звезд. Ему все время казалось, что где бы сейчас не была Алька, она точно также смотрит на небо и вспоминает его.

Вспоминает то, как мало и как сильно они были счастливы.

– Я люблю ходить пешком, – сказала Дампи, аккуратно беря его под руку. И добавила, – Флодрет тоже любит. Мы, собственно, так и познакомились. Тогда прошел год после смерти его жены, я любила бродить по королевскому парку. Знаете, одиночество приманивает очень дельные мысли. Там еще была моя любимая лавочка, там можно посидеть, глядя на пруд. И однажды он тоже туда пришел. Сам, представляете? Без охраны... Тихо сбежал от всех, потому что хотел побыть один...

Она умолкла, задумавшись. Мариус механически шагнул по мостовой, которая тоже немного скользила от измороси.

И вокруг – ни души. Точно, все замерзло и попрятались по норам.

– Смотрите, – вдруг Энола остановилась, – что это?

Он глянул в том направлении, куда она показала. Там в улицу вливался довольно темный переулок, и там, на границе света и тени, Мариус увидел женскую длинную юбку и ноги.

– Это еще что такое, – он тихо выругался и ускорил шаг, – идемте... вдруг ей помощь нужна?

Хотя, может быть, просто напилась до потери сознания.

Под конец они почти бежали. А потом Энола остановилась, как вкопанная, и ее согнуло пополам в жестоком приступе рвоты.

Мариус, замерев, смотрел на юбку и ноги женщины, потому что, выходит, больше смотреть было не на что. Туловище выше талии отсутствовало. Там – лишь огромная, успевшая застыть черная лужа крови, по которой гуляют блики лайтеров.

Потом он развернулся, подхватил под мышки Энолу – ноги ее просто не держали.

– Идемте. Идемте же, ну? Успокойтесь... Пастырь, сейчас доберемся до дома, я вам чего-нибудь налью... успокоительного... Надо вызвать Надзор, это явно не людских рук дело...

– О-ох, – простонала Дампи, – простите меня... я не... как же так...

– Возможно, это наш магистр выбирается в нашу реальность из астрала. – зло бросил Мариус. – я не знаю... надо будет осмотреть тело. В Надзоре. Никаких Фаэров.

– До Флодрета все равно дойдет, – выдохнула Энола.

– Было бы странно, если бы он остался в неведении. Все ж таки Эрифрея...

Однако, увиденное впечатляло. Даже Мариуса, который в свое время самолично резал и распиливал на куски крагхов. Он с сочувствием посмотрел на Энолу, которую практически тащил под мышки.

– Какого крагха мы с вами делаем, – буркнул, – надо торопиться, пока сюда не сбежалось пол-города.

Дернул Дампи вверх – и к себе, одной рукой обхватывая ее, прижимая к себе, а свободной рукой прочерчивая линию надреза в пространстве и открывая портал.

Глава 3. Королевская невеста

«Орвил Дей Флодрет просит твоей руки».

Алька повторила это про себя. И еще раз. Судорожно хватая за руку Рона, глубоко и быстро дыша сквозь зубы. Перед глазами танцевали надоедливые мошки, ноги ослабли. То, что сказал Сантор... Не может быть правдой, просто не может! Да и сама она... замуж? Но ведь... как же так?..

Сантор окинул ее внимательным взглядом, затем коротко кивнул сыну.

– Присядь. Что это с тобой? Все нездоровится?

Алька с трудом сообразила, что Авельрон бережно подвел ее к креслу и усадил. Она без сил откинулась на спинку, из-под ресниц наблюдая за отцом.

Может быть... все-таки... он пошутил?

Ну в самом деле, зачем королю такая жена? Она ведь была самым настоящим краг-хом. Она... не девственница, у нее был мужчина. Поэтому предложение выглядит совершенно неуместно, как-то глупо.

Алька все еще смотрела на Сантора, и по каменному выражению его лица вдруг поняла, что – нет, не шутка. Все по-настоящему. Ей предлагают выйти замуж за мужчину, которого она видела раз в жизни, который... король Земель Порядка.

И все серьезно.

– Я не могу, – жалко пролепетала она.

Авельрон положил ладонь на плечо, словно бы напоминая – а я ведь предупредил, сестренка. Сантор вздернул бровь, окинул ее нечитаемым взглядом. Затем откашлялся, устроился поудобнее на стуле, положил подбородок на сцепленные пальцы рук. И спросил:

– Это почему же?

«Да потому что я люблю Мариуса!» – чуть не выкрикнула Алька, но вовремя прикусила язык. Это, конечно, было так, и она, хоть и извелась, по-прежнему чувствовала себя частью Мариуса Эльдора, а его – частью себя. Но вряд ли отец поймет. И вряд ли пойдет на поводу обычной женской истерики.

Поэтому Алька вдохнула поглубже и, хоть голос и подрагивал, почти спокойно сказала:

– Я не хочу замуж, отец. И я... не знаю этого мужчину. Совсем.

Сантор вдруг улыбнулся, почти ласково.

– Твой магистр тебя бросил, Алайна. Надеюсь, у тебя хватает здравого смысла, чтобы оставить эти отношения в прошлом?

Она устало мотнула головой.

Нет, не хватает. И Сантор наверняка это прекрасно понял.

– Но, даже если ты на что-то надеешься, вот что я тебе скажу, дочь. Все же ты – прежде всего принцесса. А принцессы не выбирают себе мужей. Принцессы идут замуж за того, за кого выгодно государству. И поэтому я не вижу ни одной причины, почему я должен сказать «нет» королю, который все еще пытается наладить с нами отношения.

Алька слабо усмехнулась, выдержав тяжелый взгляд отца.

– Ты меня... насильно выдашь замуж? Я же...

– Сбежишь? – он медленно поднялся, вышел из-за стола и подошел к креслу, угрожая нависая, подавляя любую волю к сопротивлению.

– Сбегу, – Алька решительно поджала губы, – я не выйду замуж, хоть убей. Ни за Флодрета, ни за кого-либо еще.

Сантор чуть откинулся назад, с интересом ее разглядывая. И именно в тот миг Алька и поняла, что ничего, ровным счетом ничего она не может противопоставить ни доводам отца, ни его власти.

– А тебе некуда бежать, – сказал он тихо и угрожающе, – он бросил тебя, Алайна. Ты не нужна ему оказалась. Нет, конечно, здесь и твоя вина, но... Если бы он хотел, чтоб ты была с ним, то простил бы, как я бы простил твою мать, пожелай она вернуться. Но надо иметь смелость признать: ты. Ему. Не нужна. А так-то... бежать? Тебя никто и нигде не ждет.

Алька промолчала, подумав, что она могла бы просто уехать в город, снять жилье попроще и работать где-нибудь... ну, гувернанткой, например. Учительницей рисования. Или секретарем.

Сантор молча прошелся по комнате, бросая на нее задумчивые взгляды, затем сказал:

– Ты выйдешь замуж за Флодрета. И если раньше я был готов... Да, был готов мириться с тем, что ты выбрала себе мужчину, который посмел одеть на тебя ошейник рабыни, то теперь я буду поступать так, как угодно нашему государству. Твое мнение в этом вопросе никому не интересно. Так что, моя драгоценная дочь, выбор за тобой: либо ты отправишься ко двору Флодрета добровольно и со всеми удобствами, либо тебя отправят ему связанной по рукам и ногам. Но – отправят.

Она слотнула и с тоской посмотрела на отца. В самом деле, откуда у нее взялась мысль о том, что он будет ее понимать? Да и какой он отец? Не знал, не видел ее маленькой, не растил и не воспитывал. А вот товар из нее отменный. Так отчего не воспользоваться?

– И нечего на меня смотреть забитой овечкой, – грубо сказал Сантор, – повторюсь еще раз. Ты – принцесса. А принцессы не выбирают свою судьбу, так было и будет всегда.

– Но до падения Пелены ты вроде был не против, чтоб я выбирала, – она нашла в себе силы возразить.

Повелитель крагхов неопределенно махнул рукой.

– Тогда не было соседнего государства. А теперь... Да чего ты упрямишься, в самом деле? Будешь королевой. Еще и пинков надаешь своему Мариусу. Ему ведь ко двору положено являться. А там – ты, его королева. Даже забавно, в самом деле. Отыграешься.

Алька прикусила изнутри щеку, чтобы не разреваться. Она не хотела ни на ком отыгрываться. Она ощущала почти физическую необходимость видеть Мариуса, и одновременно не желала его видеть, потому что это слишком больно, понимать, что не нужна она ему больше. Поигрался – и выбросил.

– В общем, иди, – сказал Сантор, – Авельрон, проводи сестру в ее спальню.

– Подожди, – Алька встрепелась, – подожди! А когда ты... думаешь меня туда отправить?

Сантор пожал широченными плечами, задумчиво провел пальцами по каменной столешнице.

– Не все так быстро. Думаю, ты туда поедешь дней через пять.

– Пять? И это – не быстро?

Отец развел руками.

– Ну, а что откладывать-то? Эти дни позанимаешься с Фэем, думаю, ты быстро все схватишь.

Она опустила голову, чтобы Сантор не видел ее лица. Пять дней... так мало. И, конечно же, за ней будут присматривать. Так, может, и правда – зачем противиться? Мариус отказался от нее... Да и что за жизнь бы была у них? После того, как сама его обманула?

Но на душе было горько и больно. И привкус пепла на пересохших губах.

Алька покорно позволила вывести себя из кабинета, и медленно пошла рядом с Авельроном. Пол под ногами плыл и смазывался из-за набежавших слез. Она почувствовала, как Рон приобнял ее за талию, поддерживая и легонько подталкивая вперед.

– Аля.

– Что? – сморгнула слезы.

– Не надо плакать.

– Ну, разумеется, – тут Алька не выдержала и всхлипнула, – это ж не тебя выдают замуж за незнакомого мужика.

– Не меня, да, – согласился Авельрон, – но, возможно, это к лучшему? Со временем ты забудешь Мариуса Эльдора. Может быть, король не так уж и плох, а?

Тут она замерла, повернулась к Рону и посмотрела прямо ему в глаза. Издевается?

Нет. Лицо совершенно спокойное, может, чуточку озабоченное и опечаленное. Рон говорил совершенно серьезно, и сам был абсолютно уверен в том, что сейчас для Альки нет ничего лучше, как выйти замуж за Флодрета.

– Ты... не понимаешь, – выдохнула она, – ты не чувствуешь даже тысячной доли того, как мне сейчас больно. Вы меня... словно ножом пластуете. Продаете. Я ж не вещь, Рон.

– Конечно, не вещь, – согласился он, – ты очень дорогая женщина. Почти бесценная. Залог мира между нашими землями. Возможно, тебе будет легче, если ты подумаешь о тех людях, кому все это будет во благо.

Алька судорожно вздохнула, быстро вытерла слезы.

– У меня нет выхода, так ведь?

Он качнул головой.

– Даже если сбежишь, отец тебя найдет.

Она обхватила себя за плечи дрожащими руками. Вот теперь... теперь действительно все плохо. Она не представляет рядом с собой никого, кроме Мариуса. От одной только мысли, что кто-то другой будет ее касаться, к горлу подкатывает липкий комок тошноты.

Алька крепко зажмурилась. Это... все равно, что прыгнуть в ледяную воду. Надо принять решение, наконец – то ли бежать, то ли в самом деле смириться. Послушать, что говорят близкие ей мужчины. Возможно, они правы, и Флодрет – не такой уж плохой жених?

Но кое-что не давало покоя.

Алька посмотрела на Авельрона, он молча ждал, что она скажет.

– Где мне найти Кьера? – получилось сипло и совершенно безжизненно.

Рон почему-то не удивился.

– Кьер живет на нижнем уровне, там, где рабы, – сказал он, – спустишься туда, спроси любого... Каждый знает, где найти личного убийцу повелителя.

Авельрон так у нее и не спросил, зачем ей Кьер. Может быть, понял, что попросту не имеет права спрашивать. Может быть, чувствовал вину – за то, что на стороне отца, за то, что отдает ее как вещь, как очень дорогую вещь. Он оставил Альку в ее спальне, а сам ушел. А она обессиленно опустилась на краешек кровати, уткнулась лицом в ладони и некоторое время сидела, раскачиваясь из стороны в сторону и не имея сил пошевелиться. В груди болело, ныло, как будто там открылась плохо заживающая рана. Как она... дальше будет? Вспомнила Флодрета. Таким, каким видела на балу. Этакий ледяной блондин, недурен собой. Нельзя сказать, что красавец – но – чувствуется в нем стальной негибемый стержень. Алька вдруг представила себе, что рука короля на ее бедре, медленно задирает сорочку... Чужие, совсем неласковые прикосновения. Как это все стерпеть? И как же Мариус?..

«Он тебя бросил», – поправила она себя.

А так хотелось, чтобы простил и вернулся, позвал за собой.

И, наконец, может быть и ему горько, и он все-таки вернется?

Она глухо застонала, уронила руки на колени. Кьер. Вот кто ей нужен.

Собралась с силами, поднялась на ноги – комната предательски закружилась перед глазами, и снова к горлу подкатил горький комок тошноты. Пришлось глубоко дышать, держась за стену, пока не отпустило. Потом Алька решительно вышла из комнаты и направилась на нижние уровни дворца.

Она никогда раньше не спускалась туда, и поначалу боялась – как на нее будут смотреть? Есть ли там стража? Да и вообще, не зря ли затеяла этот поход.

Но все оказалось совсем не страшно. Да, темновато. Да, немного сыро, в некоторых местах по кривым стенам вода стекает. Впрочем, на верхних уровнях тоже бывало темно, и встречались галереи вовсе без окон. Так что, выходит, и разницы особой не было между верхним и нижним уровнем. Потом Алька догадалась: раньше-то все были с крыльями, поэтому крагхи благородных кровей занимали места ближе к небу. Ну, а слуги и рабы – ближе к земле. Хотя тоже не скажешь, что земля близко, все равно весь дворец бледной грибницей оплел скалу.

Ей встречались люди. Они были бедно, но чисто одеты, кланялись. Узнавали.

Несколько раз Альке пришлось спрашивать, где найти Кьера, и каждый раз сердце замирало – а ну как никто не знает, куда дальше? Но они знали. В итоге она, преодолев несметное количество путаных коридоров, остановилась перед низенькой дверцей неправильной овальной формы. И как он ходит через такую дверь? Высокий ведь, крупный мужчина.

Постучалась. Закусив губу, стиснула кулаки. Она ведь с просьбой пришла, а оно ему надо, Кьеру, выполнять пожелания принцессы? Тем более, что утром выглядел он, мягко говоря, неважно. В голове не укладывалось, что Сантор мог приказать избить его за то, что Алька стала жертвой своей же глупости.

За дверью была тишина, Алька упрямо постучалась еще раз. Потом подумала, что, быть может, Кьер ушел куда. А она тут – стучись хоть до ночи...

Но потом за дверью раздались тяжелые шаркающие шаги, легко звякнула щеколда, и в полумраке, горбясь, из полуоткрытой двери выглянул Кьер.

Он окинул Альку хмурым взглядом. Вблизи стало окончательно понятно, что его били, причем не жалея. Один глаз слегка заплыл, скула свезена, грязные волосы свисают желтоватыми сосульками. И рука – рука его, которой он придерживал дверь, подрагивала.

– Что вам, ваше высочество? – устало спросил он, и Алька почувствовала, что стремительно краснеет.

Действительно, что?

Вряд ли Кьер горит желанием видеть причину, по которой его наказал Сантор.

Но... Альке очень нужно было поговорить. И она отлично понимала, что о том, что задумала, можно было просить только Кьера. Потому что он... он знал ее тогда, когда она была счастлива с Мариусом Эльдором.

– Можно я войду? – пролепетала она.

Кьер еще раз оглядел ее, хмурясь, пожевал губами.

– Я не могу сказать «нет».

И шагнул внутрь, освобождая дорогу.

Алька, чуть пригнувшись, протиснулась в узкую дверь и осмотрелась.

Внутри... все оказалось не так уж и плохо. Кьер занимал несколько соединенных друг с дружкой комнат, которые как будто перетекали друг в друга. Окон не было, но по стенам висели плетеные ажурные корзиночки с крупными лайтерами, они-то и давали свет – достаточный, чтобы рассмотреть бедную, но чистую мебель, угол застеленной на полу постели, несколько полок с книгами и... сваленные на полу мятые тряпки в кровавых пятнах.

Алька все-таки не утерпела. Ткнула пальцем в них и, отдавая себе отчет в том, что ведет себя крайне бестактно, задала вопрос:

– Что это, Кьер?

Он молча подошел, все той же тяжелой, шаркающей походкой, затем ногой подпихнул тряпки под стол.

– Ничего, – и ухмыльнулся, – к вам это не имеет отношения, ваше высочество. Зачем вы пришли?

– Мой отец тебя наказал? – все-таки не унималась Алька, – но за что?

Пожатие плеч. Тут только Алька рассмотрела, что на нем была грязная сорочка, мятая, и на боках... тоже в пятнах. Прочую одежду составляли мягкие шаровары и кожаные туфли без задников.

– Кьер, – почти прошептала она, – твоя спина...

– Да что вам нужно? – он посмотрел на нее так устало и горько, что Алька внезапно испытала порыв обнять его, прижать голову к груди, утешить. Так, как утешают маленьких детей.

И точно так же она понимала, что не имеет никакого права даже прикасаться к убийце. Не потому, что он был рабом, а она – принцессой, а потому что именно она, судя по всему, была причиной его плачевного состояния.

– Почему тебя не лечат? – все же спросила Алька, топчась на месте. От запаха крови начинало мутить, и воздуха ощутимо не хватало.

– Не заслужил, – еще одна ухмылка.

– Тогда... почему ты не сбежишь?

– Так не принято, – неохотно ответил Кьер, – вам не понять, ваше высочество. Говорите, пожалуйста, зачем пришли...

– И проваливайте? – Алька покачала головой, затем осмотрелась в поисках табурета. – Я обработаю твои раны.

– Не стоит, – одними губами, так, что почти не слышно.

И еще ей показалось, что Кьер отшатнулся от нее.

– Если за тобой не ухаживают, то это сделаю я, – решительно сказала она, – не понимаю, о чем думает Сантор.

– Не вам обсуждать решения повелителя, – кажется, Кьер начинал злиться, но Алька чувствовала, что ее несет. В конце концов, принцесса она или кто?

– Не мне, да. Но, уж поскольку я – принцесса, то в моей власти тебе приказывать, верно?

Кьер обреченно вздохнул. Он стоял, так же хмуро глядя на Альку, меж светлых бровей пролегла глубокая складка. А она вдруг решила, что на самом деле Кьер не сильно-то и старше Мариуса. Только вот в глазах... Тоска и безнадега.

– Дай мне чистое полотно и чем промыть, – сказала она, – и садись. Слышишь? Это приказ.

Через несколько минут на одном табурете стояла миска с водой, рядом, на столе, были разложены куски полотна и расставлены плоски с остро пахнущей мазью. Кьер, едва слышно постанывая, стянул сорочку и покорно уселся спиной к Альке, а ей захотелось зажмуриться и бежать отсюда куда подальше. Вообще отсюда. Не только из жилища убийцы Сантора, но и из этого дворца.

Конечно, Кьер пытался наложить повязку, но очень трудно это сделать, после того, как тебя выпороли плетью. Кое-где спина напоминала отбитое мясо в засохшей кровавой корке. Ну и там, где уцелела кожа – все черно-синее.

Алька стиснула зубы и решительно смочила кусочек полотна в воде.

Вообще странно, что в таком состоянии Кьер еще на ногах держится.

– Потерпи, – прошептала.

Короткий смешок в ответ.

Некоторое время оба молчали. Алька промыла раны, аккуратно намазала на полотно мазь, потом закрепила повязку на спине. И подумала, что все ее планы летят в тот самый астрал, о котором когда-то слышала. Потому что в таком виде Кьер едва ли пригоден к выполнению ее просьбы.

Задумавшись, она задержала руку на его плече, гладком, смуглом, и очнулась оттого, что Кьер вяло пошевелился.

– Все. Я – все, – выдохнула Алька, – иди, ложись. Тебе надо лежать.

Все еще сидя к ней спиной, Кьер повел плечами, затем тихо поинтересовался:

– Зачем вы приходили? Не затем же, чтоб за мной ухаживать?

– Не за тем, – Алька прикусила губу, – но сейчас... тебе надо лежать.

И грустно подумала о том, что через пять дней у нее уже не будет никакого выхода. Она отправится в земли Порядка в качестве разменной монеты. Принцессам не дано выбирать судьбу, так ведь?

– Говорите, – Кьер осторожно повернул голову, – чтоб не просто так на нижний уровень ходили.

И тогда Алька решилась. В конце концов, вряд ли он побежит доносить Сантору, а так-то – почему б не сказать?

– Я хотела тебя попросить, чтоб ты отправился в Эрифрею и посмотрел... как там... – запнулась, не в силах произнести имя.

Но Кьер понял.

– Я должен сделать это незаметно?

– Да что ты сейчас сделаешь? – она всплеснула руками, – ты же на ногах едва держишься!

Кьер вздохнул, поднялся. Затем отошел в угол, где стоял темный деревянный сундук, порылся в нем и достал чистую тунику. Алька опустила глаза, но то, что она успела заметить, огорчало: мускулистая грудь раба Сантора тоже была в белых старых шрамах. Судя по всему, наказывали его не в первый раз.

– Это пройдет, – его голос прозвучал уверенно, – снадобье очень действенное, а я... я быстро восстанавливаюсь. К тому же, я отправлюсь туда на архаане, это займет не больше дня. Главное, чтоб ваш отец меня не хватился в это время.

– Я скажу ему, что отослала тебя по важному делу, – Алька покачала головой.

– И по какому же такому важному делу? – он прищурился, – не возражаете, если я еще немного посижу?

– Да, да, конечно... Думаю, я вполне могу попросить тебя разузнать что-нибудь о моем будущем муже, – пробормотала она, – но на самом деле... прошу...

– Я понял. Заглянуть к магистру и посмотреть, что да как.

– Да, да! – она закивала, – мне очень... нужно знать, чем он занят и... вспоминает ли меня.

– Но не проще ли у него спросить? Я могу сказать, что вы... Можете его простить, ваше высочество, что у него есть шанс.

Алька замахала руками. Как тут спросишь? Мариус... он же сам ушел. Зачем ему шанс? Но если только... если только ему плохо, то... Она вернется. Хотя бы просто для того, чтобы быть рядом, ничего не требуя взамен. Вот вообще ничего.

Тут Алька поймала себя на том, что все это – какие-то совершеннобольные чувства. Молодая девушка, да еще принцесса, не должна любить вот так, как она. Согласиться на все, лишь бы быть рядом, лишь бы ловить тепло его взгляда, ощущать запах кофе и горького шоколада.

– Только посмотри, что там происходит, – умоляюще сказала она, – я придумаю, что сказать отцу.

Кьер провел рукой по волосам, отбрасывая их назад.

Он немножко был похож на Флодрета, наверное, светлыми волосами, светлыми бровями и совершенно ледяными глазами. На этом сходство заканчивалось. Флодрет... он как будто был солнцем, ярким, слепящим. А Кьер, сбросив непроницаемую маску убийцы и шпиона, тонул в собственной тоске и безнадежности, как луна тонет в бесконечной темноте неба.

– Я слышал про предложение Флодрета, – вдруг сказал он, – сочувствую.

Алька пожала плечами.

– Если есть надежда, что Мариус хоть когда-нибудь меня простит, то я бы хотела быть с ним, – честно сказала она.

Кьер медленно прошелся по комнате. Алька видела, как его взгляд плывет, застывает, то останавливается на площадке с грязной кровавой водой, то на стенах, то на ней.

– Через два дня, – наконец сказал он, – ровно через два дня вы узнаете обо всем, о чем хотели бы.

Лиар Фэй, самый сильный маг земель за Пеленой, оказался на удивление приятным, спокойным мужчиной, с которым разговаривать было сплошное удовольствие. У Альки опыта общения с мужчинами, считай, не было никакого – исключая Мариуса – и потому она увлеченно слушала то, что рассказывал Лиар, а рассказывал он хорошо, интересно, так, что и уходить с занятий не хотелось. Впрочем, занятиями все это можно было назвать весьма условно: он водил Альку на прогулки по высокогорным плато, учил летать на архаанах, учил призывать тварей роя. Они посетили маленькие садики, где росли кальхеймы, проклевываясь сквозь красноватую землю ярко-зелеными носиками, а потом Алька трясущимися руками подносила ярко-зеленые луковки к страшным мордам архаанов. Ей все казалось, что сейчас – клац! – и она останется, по крайней мере, без пальцев. Но ничего такого не случилось. Архааны высывали длинные языки и деликатно слизывали угощения. Лиар Фэй заразительно смеялся, и его ярко-голубые глаза искрились неподдельным весельем. Алька еще немного смущалась, не привыкла вот к такому свободному поведению с малознакомым мужчиной, но за два дня оттаяла, и ей уже казалось, что они очень давно знают друг друга, а сам Лиар Фэй – что-то вроде добродушного старшего брата.

Именно поэтому то, что он ей сказал на второй день, показалось просто дурной шуткой, совсем не в его стиле.

– Тебе понадобится призыв тварей после того, как убьешь Флодрета.

Вот что сказал Лиар Фэй.

И посмотрел на нее своими яркими глазами.

– Что? – мякнула Алька. Нет, это шутка. Ведь шутка?

Они стояли на одном из балконов дворца, который выходил в сторону гнездовищ тварей. Здесь жили крылатые скорпионы, и умудрялись они лепить гнезда из красной глины прямо на отвесной поверхности скалы – ну прямо как ласточки.

– Возможно, тебе понадобится призыв тварей после того, как убьешь Флодрета, – спокойно повторил Фэй.

Алька поморгала.

Нет, похоже, все было серьезно. Но как-то... неправильно. Ее отец... Неужели это его идея?

Сцепив дрожащие руки, так, чтобы Фэй не заметил ее волнения, она выдавила улыбку и спросила:

– А разве... разве я не должна выйти за него замуж?

– Должна, – мужчина улыбнулся, показывая белые крепки зубы, – более того, ты должна дожить с ним до официальной коронации, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что именно ты – королева. А потом ты овдоеешь и вторично выйдешь замуж за того, за кого нужно.

– А за кого нужно? – механически спросила Алька.

Происходящее все больше напоминало дурной сон.

– За меня, – сказал Фэй и усмехнулся, – но чтоб ни у кого из придворных прихвостней, и в том числе, у охраны Флодрета, не возникло никаких сомнений в твоём праве, ты призовешь тварей. Вот так и будет, рой в сердце земель Порядка.

В его голосе слышались нотки какой-то отчаянной злости, при том, что Фэй продолжал улыбаться и смотрел на Альку так мягко и спокойно, словно они сидели в кафе с десертами и вели светскую беседу о моде на рукава с буфами.

«Чем-то его обидели, те, кто жили за Пеленой», – решила Алька, но спросить побоялась.

Поколебавшись, она все же глянула Фэю прямо в лицо.

– Это мой отец такой план придумал?

Вот это ей нужно было знать, обязательно. Потому что, если весь этот бред принадлежит Сантору, то, пожалуй, она больше ничего и никому не должна в этих землях. Сбежит – и никто ее не найдет, можно ведь затаиться, мир большой.

– Сантор? – Фэй поднял атласную бровь, – нет, нет, что ты, Алайна. Ему бы такое и в голову не пришло. Он был просто счастлив, когда получил послание с предложением заключить мирный договор. Именно тогда он и отписался Флодрету, мол, есть принцесса... Ну а дальше – сама знаешь.

Алька выдохнула. Ну, хоть не отец. Но тогда...

– А тебе это зачем? – поинтересовалась она, стараясь, чтобы голос не дрожал.

Лиар рассмеялся, потом мягко взял ее за руку и повел прочь с балкона. На лестницу, что вела наверх, к небольшому плато.

– Видишь ли, Алайна... тут ведь какое дело. До того, как рухнула Пелена, я был никем. Да что там, я был рабом у мелкого торговца. Наверное, благодаря этому я обучен грамоте, потому что кто-то должен был вести учет товара, кто-то должен был писать письма этому неграмотному борову. А потом в один миг я стал самым сильным магом этих земель. Никто не может призвать рой больше, чем я. Ну и... отчего бы мне не стать королем? Должна ж быть награда за то, как я жил все эти годы?

Алька молчала. Да и что тут скажешь? Она дождалась, когда он откроет люк, ведущий наверх, затем выбралась на поверхность. В лицо хлестнуло холодным ветром, вышибая слезы, и она торопливо вытерла их. Чтоб Лиар Фэй не подумал, что она плачет из-за его предложения.

Вид отсюда открывался великолепный. На земли крагхов, на величественные, необъятные красные скалы, причудливые утесы, которые кое-где были заселены тварями роя. Она дождалась, когда Лиар Фэй выберется следом и закроет люк, затем обернулась.

– Ну и как ты себе это видишь? Сперва убить Флодрета, затем Сантора? Сам править хочешь?

Фэй снова рассмеялся, потер ладони.

– Нет, что ты. Зачем мне Сантор. Сантор будет сидеть в этих землях, а мы с тобой – в землях Порядка.

– А если я расскажу отцу, что ты хочешь убрать Флодрета? – как бы невзначай обронила Алька, щурясь на заходящее солнце.

Она почувствовала, как он подошел сзади. Стал так близко, что она спиной ощутила тепло, исходящее от его тела. Хотела отстраниться, но Фэй внезапно твердо удержал ее за плечи. У него оказались очень сильные, костлявые пальцы. Он надавил больно, словно давая Альке прочувствовать, кто здесь хозяин положения.

– Ты этого не сделаешь, Алайна, – шепот змеей вползал в уши, – потому что ты не хочешь причинить вред тем, кого любила... когда не знала о своем происхождении. В самом деле, будет грустно, если твари роя пообедают мальчиками из частной школы. Или... вдруг с магистром Надзора что-нибудь приключится? Он ведь силен, но не всесилен, Алайна.

Пастырь ведает, каких сил стоило Альке не завопить от ужаса и не бежать с этого треклятого плато, сломя голову. Она даже смогла повернуться, стоя вплотную к Фэю. Их лица... почти соприкасались, потому что никто так и не отступил. Губы сжаты в нитку, желваки дергаются. Тоже не скажешь, что спокоен. Испугался? Не подумал, что послушная девочка Алька может взбрыкнуть?

Внезапно Фэй расслабился, улыбнулся уголками рта. Поднял руку, осторожно прикоснулся к ее щеке.

– Не переживай, я буду хорошим мужем. Гораздо лучшим, чем король, лучшим, чем твой магистр. Я буду ценить то, что ты – дочь Сантора. Я буду ценить и то, что сделаешь для меня.

«А ведь сделаю, – обреченно подумала Алька, – я не могу позволить, чтобы с Тибом или с Мариусом что-нибудь случилось. Или же... буду старательно делать вид, что послушна. Ровно до тех пор, пока не найду способ от Фэя избавиться».

– Ты... все, конечно, продумал? – сипло спросила она, чувствуя на губах его горячее дыхание, – а как я убью Флодрета, чтобы все это выглядело, как естественная смерть?

Взгляд Фэя прилип к ее губам, он чуть заметно качнулся вперед...

«Если он полезет еще и целоваться, меня стошнит», – мелькнула шальная мысль.

Но Фэй внезапно сделал шаг назад, с видимым сожалением еще раз окинул Альку жадным взглядом, облизнул губы.

– Я тебя научу. Сам недавно раскопал. Ты ведь не только можешь призвать Рой. Есть еще один вид нашей магии, ты можешь призвать в себя яд тварей. Сама стать ядом понимаешь? И тогда... – он усмехнулся, покачал головой, – тогда будет достаточно поцелуя с его величеством Флодретом. Достаточно глубокого поцелуя, Алайна, чтобы сердечную мышцу парализовало.

Фэй подал ей руку, Алайна послушно вложила пальцы в его прохладную ладонь. После всего сказанного, ее начинало потряхивать, словно в ознобе.

– Давай вернемся, – попросила она, – мне холодно.

– В самом деле, – Лиар Фэй улыбнулся, – я дурак. Я должен заботиться о своей будущей жене. Надеюсь, этот разговор останется между нами?

И посмотрел на нее так, что по спине продрало колючим морозом.

– Не стыдно тебе, угрожать расправой над невинным мальчиком? – все же выдавила Алька, хоть зубы стучали друг о дружку.

– Но ведь с мальчиком пока ничего плохого не случилось. И не случится, если ты будешь делать то, о чем мы только что поговорили. И ничего плохого не случится ни с кем из тех, кто был тебе дорог. Я честно выполняю сделку.

Она молча кивнула. А мысли суматошно метались. Сказать отцу? Сказать Кьеру? А что, если у Фэя все просчитано, и в случае его смерти действительно кто-нибудь убьет Тиба? Или устроит ловушку для Мариуса? Или даже для Марго и Робина?! О-о, она не переживет, просто не переживет всего этого.

– Я вижу, что ты расстроена, – голос Фэя доносился как свозь слой ваты. Он как раз открывал люк, чтобы впустить Алайну внутрь дворца.

Она едва не расхохоталась в голос. И правда, кто бы мог подумать, что она огорчится от такого поворота дел?

Думала, что получится избежать брака с Флодретом? Но нет. Придется не только выйти за него замуж, но еще и отравить... в общем-то, отравить человека, который лично ей не сделал ничего дурного.

Выглядело все это... как горячечный бред.

– Научи меня, как стать ядовитой, – пробормотала Алька, глядя на красные скалы и на прилипшие к ним «ласточкины» гнезда, – я согласна.

А сама подумала, что она как-нибудь и с этим справится. Надо будет только немного подумать... И еще взять от Лиара Фэя все его познания в магии крагхов.

Поздним вечером, когда чернильная синева окутала красные скалы, а небе зажглись первые звезды, пришел Кьер.

За всем случившимся Алька и забыла, что именно сегодня подходят к концу те два дня, которые Кьер просил для выполнения ее просьбы. Почти все время после разговора с Фэем

она металась по спальне, как запертая в клетке рысь, не зная, что делать и как быть раньше. Очевидно, от Фэя нужно было избавляться. Но как? Он-то рассказал, как впитывать в себя яд тварей, но после таких откровений вряд ли бы стал с ней целоваться, не настолько доверял. Да и не привыкла Алька убивать, вот так, хладнокровно, преследуя свои цели.

Поэтому к тому моменту, как в дверь осторожно постучали, Алька окончательно извелась, наревелась и почти смирилась с тем, что ей придется стать женой Флодрета ради спасения тех, кого любила по-настоящему. Это было больно, очень. Но иного выхода Алька не видела.

– Кто там? – вскинулась она.

От одной мысли, что это снова может быть Фэй, затрясло.

Но из-за двери донесся глухой голос Кьера. Она двинулась к двери и – всего лишь на миг – перед глазами как будто почернело. Пришлось остановиться, снова глубоко подышать, темнота отступила, но ее место как-то незаметно занял страх.

Предчувствие чего-то дурного.

«Хоть бы с Мариусом ничего не случилось», – подумала она, открывая дверь и впуская Кьера.

Личный убийца и раб Сантора был одет так, как и положено жителю земель Порядка: рубашка, шейный платок, сюртук и бриджи. На лице – ни следа побоев. Просто приятный мужчина, тщательно выбритый, аккуратно причесанный, светлые волосы были собраны в коротенькую косичку.

– Ваше высочество, – коротко поклонился.

И Алька не удержалась. Просто схватила его за руки, заглядывая в лицо.

– Ну... что там, как он?..

Кьер помолчал. И от этого молчания предчувствие плохого резнуло так болезненно, что на глаза набежали слезы.

– Ты молчишь?.. с ним... все в порядке?

– Сейчас все расскажу, – Кьер осторожно освободил руки от Алькиной хватки, огляделся, – могу я присесть куда-нибудь? Вы простите меня, ваше высочество, но я еще не совсем здоров, а полет был долгим.

– Да, конечно! Почему ты спрашиваешь? – Алька смутилась. Кьер, может, едва на ногах держится, а она сходу его выпрашивать начала.

Поэтому когда Кьер осторожно присел на край кушетки, Алька сбегала в соседнюю комнату, налила в стакан воды с размятой в ней малиной и принесла Кьеру.

– Вот.

Он как-то странно посмотрел на нее, молча взял стакан и опустошил его в несколько глотков. А затем сказал:

– Прежде, чем я расскажу о том, что видел, я хочу кое-о-чем вас попросить, ваше высочество.

– Проси, – она не раздумывала. Что бы он сейчас не сказал, это не великая цена за то, чтобы узнать, как там Мариус Эльдор.

Кьер не торопился, как будто не замечая ее нетерпение. Сам он... казался задумчивым, словно именно сейчас, сей момент, искал ответ на очень важный вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.